

СТИВЕН ГРЭМ
ДЖОНС

Словно
Холден
Колдфилд
попадает в
классический
фильм
ужасов.

KIRKUS

18+

Полу Кровки

fanzon

Стивен Грэм Джонс

Полукуровки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68963421

*Полукуровки / Стивен Грэм Джонс ; [перевод с английского Н. Некрасовой].: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-184549-0*

Аннотация

Финалист премий Shirley Jackson Award, Bram Stoker Award, This Is Horror Award, Locus Awards и Grand Prix de l'Imaginaire.

Лучшая книга года по версиям TOR.COM и BOOK RIOT.

Это история о взрослении необычного мальчика, чья семья живет на обочине общества и борется за выживание во враждебном мире, который их избегает и боится. Он аутсайдер, как и его тетя и дядя, нищий полукуровка. Ему предстоит решить, кем же он в итоге станет, что в нем возьмет верх. Его жизнь – вечный побег, на шаг впереди закона и людей с вилами и факелами. Вот-вот все изменится, и старые семейные байки, которые мальчик считал сказками, окажутся правдой, кровавой и зубастой...

«Одновременно и волчья пробежка по лесу семейной истории, и богатое собрание старых и новых знаний о вервольфах». – Кристофер Бьюлман

«Словно Холден Колдфилд попадает в классический фильм ужасов». – Kirkus

«Ты помнишь, как хотел стать вервольфом?» – Джош Малерман

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	41
Глава 3	49
Глава 4	67
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Стивен Грэм Джонс

Полукровки

Теа Лукас

1914–1999

Спасибо, Поуп

*В конце концов я приехал в Америку.
Тут никто не верит в вервольфов.*

ДЖЕЙМС БЛИШ

Stephen Graham Jones
MONGRELS

Copyright © 2016 by Stephen Graham Jones. All rights reserved. Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

Завораживающая, полная мрачного юмора и боли история о взрослении необычного мальчика, рожденного изгоем.

Они – «дворняги», оборотни-полукровки с Американского Юга. Каждый их день – отчаянная попытка выжить во враждебном мире, который их не понимает и боится. Десять лет нищеты и скитаний – нигде подолгу не задерживаясь и срываясь с места ночью, чтобы оставаться на шаг впереди закона. Довольно! Близится время, когда дядя Даррен и тетя Либби наконец узнают, похож ли на них племянник. Одной

ли он с ними крови. Все вот-вот изменится.

© Н. Некрасова, перевод на русский язык, 2023

© Оформление, издание на русском языке. ООО

«Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Луна – суровая хозяйка

Мой Дед любил рассказывать мне, что он вервольф.

Он втянул в эту игру мою тетку Либби и дядю Даррена, пытаясь заставить их кивать, когда он рассказывал, как двадцать лет назад он размахивал когтями под дождем на полпути к мельнице на холме. Как он падал на четвереньки, пытаясь догнать поезд, идущий вниз по холму из Бунсвиля, и укусить его. Как он бегал по сельскому густонаселенному Арканзасу с живыми курами в пасти с влажными от восторга глазами. В его рассказах луна всегда была полной и всегда висела за спиной, как прожектор.

Могу сказать, что Либби от этого тошнило.

Даррен изображал широкую усмешку, хотя на самом деле смешно ему не было, особенно когда Дедуля рыскал по го-стиной, показывая, как он разделяется с овцами, прижи-мая их к изгороди. Овцы – слабость всех вервольфов, гово-рил он, а потом играл за обе стороны, то рыча, как волк, вы-соко поднимая плечи, то блея в животном ужасе, как овца.

Либби обычно уходила, когда Дед врывался в стадо виз-жащих овец, разинув пасть, как голодный волк, и демонстри-руя в отблесках огня тусклые желтые зубы.

Даррен просто качал головой и тянулся за очередной бу-

тылкой земляничного кулера¹.

Мне было почти восемь лет, моя мать умерла в родах, об отце никто не рассказывал. Либби была сестрой-близнецом моей мамы. Она велела мне не называть себя мамой, но втайне я ее таковой считал. В ту осень на работе она зашивала мешки с зерном по пятнадцать фунтов. После работы она снимала защитные очки, и кожа вокруг ее глаз была чистой, но белой от соли. Даррен говорил, что она выглядит, как енот в негативе. В ответ она задирала верхнюю губу, и он прятался за столом.

Даррен был мужской версией моей мамы и Либби – они были тройняшки, настоящий помет, по словам Деда. Даррен в том году только вернулся в Арканзас. Ему было двадцать два, он убегал на шесть магических лет. Дед говорил, что такое происходит со всеми мужчинами в нашей семье. Даррен стал одиноким волком в шестнадцать, и это подтверждали шрамы и расплывшиеся татуировки. Он носил их как орден. Они обозначали, что он выжил.

Мне было интереснее другое.

– Почему именно в шестнадцать? – спросил я после того, как Дед задремал в кресле у очага.

Я знал, что шестнадцать – это дважды по восемь, а мне было почти восемь, значит, я на полпути к побегу. Но мне не хотелось уходить, как Даррен. От мысли об этом у меня возникала пустота в животе. Я ничего в жизни не знал, кроме

¹ Алкогольный напиток с добавлением фруктового ликера.

Дедова дома.

В ответ на мой вопрос Даррен опрокинул свою бутылку, глянул в кухню, чтобы проверить, не услышит ли Либби, и сказал:

– В шестнадцать зубы становятся слишком острыми для сиськи, парень. Вот и все.

Он имел в виду, что я жмусь к ногам Либби всегда, как только ситуация накаляется. Но мне приходилось. Из-за Рыжего. Даррену пришлось вернуться с дороги – он в основном гонял грузовики – из-за бывшего мужа и любовника Либби, Рыжего. Дед был слишком стар, чтобы встать между ними, но Даррен-то был в самом подходящем возрасте, и ухмылка у него была тоже самая подходящая.

Этот длинный гладкий белый шрам, сказал он, ведя по нему указательным пальцем, оставил Рыжий. А второй, под ребрами слева, это оставила его девушка-русалка? Нет, тоже Рыжий.

– Некоторые люди просто не вписываются в человеческую компанию, – сказал Даррен, одергивая рубашку и беря двумя пальцами за горлышко очередную бутылку.

– А некоторые просто не хотят, – прорычал Дед со своего кресла, зло ухмыляясь уголком рта.

Даррен зашипел, осознав, что старик не спал.

Он отвернул крышку бутылки и ловко запустил ее через гостиную, сквозь прореху в проволочной сетке от мух и ово-дов на двери.

– Стало быть, поговорим о шрамах? – сказал Дед, вставая с качалки и поблескивая здоровым глазом.

– Не хочу снова с тобой об этом, старик, – сказал Даррен. – Не сегодня.

Даррен всегда так говорил, когда Дед начинал расходиться, громко вспоминая прошлое. Но он *будет* говорить с Дедом. Так каждый раз бывало.

И я тоже буду.

– Таково быть вервольфом, – сказал я за Деда.

– Держишь ушки на макушке, волчонок? – ответил он, протягивая руку, чтобы погладить меня по затылку, потереть меня щекой о белую щетину на его подбородке. Я ускользнул от его руки и засмеялся. – Вервольфам не нужна бритва, – сказал Дед, усаживая меня. – Расскажи ему почему, сынок.

– Это твоя байка, – ответил Даррен.

– Потому что, когда ты возвращаешься в тот образ, в котором мы сейчас, – почесал он челюсть, – ты всегда словно только что побрился. Даже если за день до этого у тебя была бородаща, как у дикаря. – Он изобразил, будто проводит по гладкой щеке Даррена, затем посмотрел на меня. – Гладкая, как у младенца. Таков вервольф, который накануне вляпался в кучу неприятностей. Так ты узнаешь, что они делают. Так ты узнаешь их на улице.

Даррен просто уставился на Деда.

Дед не стал сдерживать усмешки, сделав это замечание, и я невольно спросил:

– Но... но ты же вервольф, верно?

Он постучал пальцами по своей щетине, сказав:

– Хороший слух, хороший. Однако доживешь до моих лет, и оборотничество станет смертным приговором.

– До твоих лет, – сказал Даррен. Эти слова заставили Деда снова посмотреть на него. Но Даррен первым отвел взгляд.

– Ты хотел поговорить о шрамах. – Дед присел рядом со мной и начал закатывать рукав рубашки, пока тот не пережал его тощую руку. – Видишь? – перевернул он руку.

Я встал и наклонился посмотреть.

– Потрогай, – сказал он.

Я так и сделал. Это была гладкая маленькая выемка величиной с кончик моего пальца.

– В тебя стреляли? – всем моим существом спросил я.

Даррен попытался скрыть смех, отрицательно качая головой и показывая жестом, чтобы Дед продолжал.

– Твой дядя слишком тупой, чтобы запомнить, – сказал мне Дед. – Но твоя тетя знает.

И моя мама, сказал я, как всегда, про себя. Все, что было с Либби в детстве, было и с моей мамой.

Так я представлял ее живой.

– Это не пулевая рана, – сказал Дед, спуская рукав. – Пуля в передней лапе для вервольфа все равно что пчелиный укус. Это похуже.

– Хуже? – спросил я.

– Болезнь Лайма²? – сказал Даррен.

Дед даже не глянул на него.

– В волчьем облике болезни тебя не трогают, – сказал он мне. – Кровь слишком горячая для этой заразы, кори, оспы и рака.

– Свинцовое отравление? – подбодрил его Даррен.

– Когда волк обращается назад, в человека, он выдавливает из себя весь этот свинец, – ответил Дед без веселья в голосе. – Если только не в кость. Тогда пуля обрастает костью, как жемчужина.

Даррен пожал плечами, снова слушая.

– Так что тогда? – спросил я, поскольку кто-то должен был спросить.

– *Клещ*, – сказал Дед, показывая двумя пальцами, насколько мал клещ.

– Клещ? – спросил я.

– Клещ, – ответил Даррен.

– Наверное, сидел в той жирной оленихе, которую я завалял ночью накануне, – сказал Дед. – Тот клещ сменил старого носителя на другого, с живым сердцем.

– А когда он обратился назад в человека, – сказала Либби, выпрямившись у стола с моим выцветшим рюкзаком в руке, чтобы забросить меня в школу по дороге на работу, –

² Болезнь Лайма, клещевой боррелиоз – инфекционное заболевание, вызываемое бактериями рода *Borrelia*, переносимое иксодовыми клещами, а также оленьими кровососками.

когда он снова обратился, когда волосы *вервольфа* втянулись ему под кожу, обвившись вокруг костей или где там еще, они втянули за собой клеща, верно?

– Ты помнишь, – сказал Дед, откинувшись в кресле.

– Это как по втягивающемуся флагштоку карабкаться, – сказал Даррен, вероятно, цитируя историю так, как Дед в последний раз ее рассказывал. Он скучно перебирал руками, изображая карабканье по флагштоку. Бутылка в его руках наклонилась, но не проливалась.

– Для этого есть слово «внедряться», – обратилась Либби прямо ко мне. – Это когда что-то почти вошло в кожу – щепка, зуб...

– Клещ, – вмешался Дед. – И я не мог до него добраться. Вот в чем дело. Я даже *увидеть* его не мог. А твоя бабушка, она знала, что круглые такие клещи набиты детьми. Она сказала, что если она выковыряет его иголкой, лопнет его, то дети разбредутся по моей крови и станут как арбузные семечки у меня в брюхе.

– Это не так происходит, – сказала мне Либби.

– И ты пошел к врачу, – перебил ее Даррен. – В город.

– Док накалил на зажигалке крючок вешалки, – сказал мне Дед, пытаясь перехватить инициативу, будто бы верно только он рассказывает, – и он... – Он изобразил, будто вонзает в себя раскаленный крючок и вращает его, словно помешивает в небольшом котелке. – Вот почему тут шрам, и я не позволил ему забинтовать или зашить рану. Ты ведь понимаешь

почему, верно?

Я переводил взгляд с Либби на Даррена. Оба кивнули на Деда – это была его история, в конце концов.

– Потому что надо родиться с нужной кровью, чтобы это пережить. – Дед понизил голос почти до шепота. – Если бы хоть одна капля попала доктору на кутикулу, он превратился бы в лунного пса, к гадалке не ходи.

Мое сердце запрыгало. Это лучше любой дырки от пули!

Либби уже жестом показывала мне, что надо вставать. Потому как если она опоздает, ее снова уволят.

Я встал, стряхнув очарование, все еще глядя на Деда.

– Пусть закончит, – сказал Даррен.

– У нас нет...

– Если тебя укусят, если кровь попадет в тебя, – все равно сказал Дед, – она быстро сжигает тебя, щенок, и это *больно*. И ты ничего не можешь сделать. Те, с волчьей головой и человеческим телом, они так и не понимают, что с ними произошло, просто бегают, пуская слюни и кусаясь, пытаются выскочить из собственной шкуры, иногда даже отгрызают себе руки и ноги, чтобы избавиться от боли.

Он уже смотрел не на меня, скорее в окно. Его глаз, который был с моей стороны, был мутным.

Я думал, что именно этот глаз у него и видит.

Ни Либби, ни Даррен не сказали ни слова, но Либби как бы невзначай выглянула из окна. Так, на всякий случай.

Затем рот ее сложился в мрачную линию, и она отверну-

лась от окна, посмотрев в комнату.

Я опоздаю в школу, но мне было все равно.

– Пошли, – сказала мне она, взяла меня за руку, и, проходя мимо Деда, я провел рукой по его рукаву, наверное, чтобы сказать ему, что все хорошо. Что это была хорошая история. Что она мне понравилась. Что он всегда может мне такое рассказывать, когда захочет, а я буду слушать. И всегда буду ему верить.

Он вздрогнул от моего прикосновения, огляделся по сторонам, не понимая, где он.

– Держи, старик, – сказал Даррен, протягивая ему земляничный кулер, и я забрался в «Эль Камино»³ Либби, который она получила, окончательно порвав с Рыжим, и на полпути в школу я заплакал, не понимая почему.

Либби поменяла руки на руле, притянула меня к себе.

– Не думай об этом, – сказала она. – Я даже не знаю, как он на самом деле получил этот шрам. Это было до того, как все мы родились.

– Потому что бабушка была с ним.

Как и моя мама, бабушка умерла в родах. Это было проклятием нашей семьи.

– Потому что с ним была бабушка, – сказала Либби. – Когда он в следующий раз будет рассказывать эту глупую историю, клещ будет уже не на тыльной части его руки. Он оставит тот старый шрам у него на лбу, и доктор будет раскалять

³ Chevrolet El Camino – выпускался с 1959 года до 1960-го и с 1964 по 1987 год.

перочинный нож, а не крюк от вешалки. Один раз это было про шрам возле его рта.

Так со всеми вервольфовскими историями.

Никогда никаких доказательств. Просто история, что постоянно меняется, словно выгибая спину, чтобы высосать яд из живота.

На другой неделе мы нашли Деда на пастбище совсем без одежды. Колени его были в крови, ладони исцарапаны в кровь, кончики пальцев стерты о щебенку и колючий кустарник. Он смотрел на нас, но не видел нас даже здоровым глазом.

Мы с Дарреном первыми добежали до него. Я сидел на спине у Даррена. Он бежал сломя голову, и ветер сносил назад его слезы.

Он медленно опустил меня на землю, когда мы увидели Деда.

– Он не мертв, – сказал я, чтобы это стало правдой.

Сработало.

Спина Деда выгибалась и опадала в такт с его свистящим дыханием.

Даррен отступил на два шага и швырнул бутылку сильно, как мог. Бледно-розовая жидкость оставила след из дурацких кругов на расстоянии нескольких футов, затем остался лишь запах в воздухе, как запах лекарства.

– Как думаешь, сколько ему лет? – сказал мне Даррен.

Я поднял взгляд на него, затем посмотрел вниз на Деда.

– Пятьдесят пять, – сказал Даррен. – Вот так все и происходит.

Либби слышала, как бутылка разбилась о то, на что налетела, и по следу нашла нас. Она подбежала, прикрывая рукой рот.

– Он думает, что обратился, – с отвращением сказал ей Даррен.

– *Помоги мне!* – сказала Либби, падая на колени рядом с отцом, пытаясь положить его голову себе на колени, ее длинные черные волосы укрыли их обоих.

Это был один день.

В ту неделю я забросил школу, пообещав себе удерживать Деда в живых.

Я делал это при помощи историй, заставляя его рассказывать.

– Расскажи мне о бабушке, – сказал я однажды вечером, когда Даррен ушел после прихода Рыжего. Тот стоял в воротах как статуя и ждал, пока Либби выйдет к нему. Она не могла ничего с этим поделать.

Я спрашивал о бабушке потому, поскольку если он действительно считает, что превращается в вервольфа, то разговор с ним об этом деле не поможет.

– Бабушка, – сказал он своим новым неразборчивым говором, затем отрицательно покачал головой, – она ведь не успела услышать слова «мама», верно?

Мне захотелось взять свой вопрос обратно. Начать заново.

Дед сделал глубокий многозначительный вдох, затем выдохнул.

– Ты ведь знаешь, что вервольфы составляют пару на всю жизнь? Как лебеди и суслики.

Он теперь много сидел в кресле. Я привык, что когда он улыбается краем рта, значит, должно случиться что-то хорошее. Теперь это означало, что случилось что-то плохое, так сказала Либби.

– Суслики? – спросил я.

– Это можно по их запаху почуять. – Он подергал носом, чтобы показать. Я никогда не видел суслика. Только их норы. – Бабушка, – сказал Дед уже яснее. – Знаешь, когда она впервые поняла, что я такое, она подумала, что я вроде как обвенчан с луной. Тогда я единственный раз вышел повыть.

Я прищурился, он уловил это и добавил:

– Так не выходит, щенок. Слишком короткий поводок. Мы бы с голоду померли. Короче. Я женился на ней, так ведь?

В камине затрещало бревно. Даррен называл это стариковским огнем. Стоял сентябрь.

– Вот еще кое-что про вервольфов, – сказал, наконец, Дед. – Мы стареем как собаки. Ты должен тоже это знать.

– Как собаки, – повторил я.

– Ты быстро сгоришь, если не будешь осторожен. Если будешь слишком много времени бегать в чаще за своим обе-

дом.

Я кивнул. Пока он говорит, он живет.

– Бабушка, – снова повторил я, поскольку мы остановились на этом перед вервольфами.

Дед проглотил комок в горле, выхаркал его и сплюнул в тряпку у себя на коленях.

– Обычно мы держим это в тайне, – сказал он. – От них, от жен, чтобы они не...

Не умерли. Я знал. С тех пор как Дед стал жить по большей части в гостиной, он решил снять семейное проклятие. Об этом были все украденные из библиотеки книги возле его койки. Чтобы найти старинный способ для человеческой женщины жить с вервольфом и не умирать при рождении детей.

Его исследования были основной причиной того, что Либби почти все время торчала на кухне. Она сказала: что бы ты ни сделал, это мою мать не вернет, верно? Это не было великой вервольфовой тайной. Бабушка просто умерла, и конец.

Даррен считал книги Деда забавными. Все они были просто странными историями, забавными фактами.

– Мы похоронили ее на церковном кладбище, – сказал Дед, когда очередная история о бабушке вызрела у него в голове. – И они... они выкопали ее, волчонок. Они выкопали ее и... и...

Вместо того чтобы закончить, он рванулся вперед так, что

мне пришлось толкнуть его назад и удерживать, чтобы он не вывалился из кресла. Я не был уверен, что смогу снова посадить его туда.

Когда он поднял взгляд, он забыл, о чем говорил.

Он, правда, рассказывал мне об этом раньше, когда Либби не было рядом, чтобы остановить его.

Это была другая вервольфовская история.

После того как бабушка умерла в родах, одна вражеская стая выкопала ее – как послание ему. Это касалось территории.

Дед вернул им это послание на штыке лопаты, а затем разобрался с ними при помощи этой самой лопаты.

Так он вернул себе *свою* территорию, обычно говорил он, заканчивая эту историю. Его территория – насколько доставал его взгляд, сколько он мог защитить. Порой он утверждал, что весь Арканзас его, с тех самых пор, как его занесло сюда войной.

Но я был не дурак. Я не ходил в школу в тот месяц, но я продолжал учиться. Либби наконец рассказала мне, что тот шрам на руке Деда был, скорее всего, от сигареты, которую он однажды уронил. Или от старой оспины. Или от капли шлака, прожегшей его рукав до кожи.

Мне приходилось выстраивать эту историю на тех же фактах, но с разными акцентами.

Бабушка умерла и была похоронена, это я знал.

Вероятно, случилось следующее – нет, что *должно* было

случиться, худшее, что *могло* случиться, – городские собаки забрались на кладбище в ночь после погребения, пока земля была еще мягкой. И тогда Дед пошел за этой стаей с винтовой или на грузовике, пусть это заняло целый месяц, а затем прикопал их своей лопатой.

Я предпочитал вервольфовскую версию.

В ней Дед еще молодой вервольф в расцвете сил. Но еще он скорбящий муж, молодой перепуганный отец. И вот он выскакивает из двери дома, в котором залегла другая стая. И его руки по плечи в красной дымящейся крови отмщения.

Если Либби выросла под такую сказку, если он рассказывал ей ее прежде, чем она достаточно повзрослела, чтобы видеть истину сквозь факты, то она запомнила бы его лишь как героя. Высокого, жестокого, окровавленного, с вздымающейся грудью, с глазами, ищущими, кого бы еще порвать.

Через десять лет она, конечно, запала на Рыжего.

Все имеет смысл, если смотреть достаточно долго.

Только вот Даррен появился в доме через два или три часа. Он был обнажен, тяжело дышал, был весь в поту, с дикими глазами, с ободранным плечом и набившимися в волосы листьями и веточками.

На его плече был черный мусорный мешок.

– Всегда бери черный мешок, – сказал он мне, входя и бросая мешок на стол.

– Потому, что белое видно в ночи, – ответил я ему, как в те три раза, когда он уже приходил домой нагим и грязным.

Он взъерошил мне волосы и прошел в дом за штанами. Я приоткрыл мешок, заглянул внутрь. Там были мелкие деньги и земляничный кулер.

Последняя история, которую рассказал мне Дед, была о зубе в его голени.

Либби оторвалась от кухонной раковины, когда услышала, что он принялся ее рассказывать.

Она прижимала к щеке большой сырой стейк – последствия общения с Рыжим прошлой ночью.

Когда она вошла внутрь, готовая приняться за работу, она увидела мешок Даррена на столе, взяла его, даже не заглянув внутрь. Она пошла прямо в старую спальню Даррена. Он спал поверх простыней, в штанах.

Она с такой силой швырнула в него мешок, что две бутылки разбились и пролились ему на спину.

Он проснулся, крутясь и плюясь, открыв рот и оскалив зубы.

– На сей раз я его, мать вашу, прикончу, – сказал он, выбираясь из постели, сжимая и разжимая висящие кулаки, но Либби уже была рядом. Она сильно ткнула его в грудь, крепко расставив ноги.

Когда начались крики и полетели вещи, кто-то из них громко захлопнул дверь, чтобы я не видел.

В гостиной закашлялся Дед.

Я пошел к нему, выпрямил его в кресле и, поскольку Либ-

би сказала, что это сработает, попросил его рассказать о шраме возле его рта, о том, как он его получил.

Когда он наконец посмотрел на меня, голова его моталась на шее, а здоровый глаз был мутным.

– Деда, Деда, – стал трясти его я.

Я знал его всю мою жизнь. Он рассказал мне сотни вервольфовских историй здесь, в гостиной, раз даже сломал кофейный столик, когда злая клейдсдельская лошадь встала перед ним на дыбы и ему пришлось отступить, и глаза его были в два раза больше, чем я когда-либо видел.

В задней комнате разбилось стекло, треснуло дерево, и крики стали такими громкими, что я даже не мог сказать, Либби это или Даррен, или вообще человек ли.

– Они слишком любят друг друга, – сказал Дед. – Либби и ее... этот...

– Рыжий, – сказал я, пытаюсь закончить фразу, как это делал Даррен.

– Рыжий, – сказал Дед, словно собирался пойти туда сам. Он думал, что там Либби и Рыжий. Он уже не понимал, какой сейчас месяц.

– Он тоже неплохой волк, – продолжил он, мотая головой из стороны в сторону. – Вот в чем дело. Но хороший волк не всегда хороший человек. Запомни это.

Это заставило меня подумать об обратном – значит ли, что хороший человек – хороший волк. И что лучше, а что хуже.

– Она этого не понимает, – сказал Дед, – но она похожа

на мать.

— Расскажи, — сказал я.

Он сразу и рассказал — или начал рассказывать. Но его воспоминания о бабушке уходили в сторону, он говорил о том, как ее руки выглядели с сигаретой, когда она отворачивалась от ветра, как прядь волос всегда падала ей на лицо. О родинке над ее левой ключицей.

Вскоре я осознал, что Даррен и Либби здесь, слушают.

Это была моя бабушка — и их мать. Которой они никогда не видели. От которой не осталось снимков.

Дед улыбнулся слушателям, поскольку здесь была его семья, подумал я, и начал рассказывать о ее тушеном мясе, о том, как он воровал для нее морковку и картошку по всему графству Логан, как притаскивал их в пасти, как ему всегда стреляли вслед, и в воздухе всегда было полно свинца и градом сыпались гильзы, как ему приходилось отряхиваться на террасе после возвращения домой, словно после града.

Либби чуть приоткрыла холодильник, вытащила стейк, подержала его под горячей водой в раковине, чтобы нагреть до комнатной температуры и приложить к лицу.

Даррен просочился в гостиную, сел на корточки возле кресла, в котором обычно сидел, словно не желал прерывать рассказ, а Дед продолжал о бабушке, о том, как впервые ее увидел. Она прогуливалась по Бунсвилю под желтым зонтиком. Он не был похож на большую ромашку, сказал он. Просто зонтик, но стоял *ясный* день.

Даррен улыбнулся.

На левой его щеке теперь красовались три глубокие царапины. Но ему было все равно. Он был как Дед, у него тоже будут тысячи историй.

На кухне Либби в конце концов отключила воду и прижала стейк к левому глазу. Он еще не совсем распух и заплыл. Глаз был красным, словно выскочил.

Я ненавидел Рыжего, как и Даррен.

– Продолжай, – сказал Даррен Деду, и еще две-три минуты он снова слушал и слушал его рассказ о бабушке. Пока Дед не наклонился вперед, чтобы подтянуть правую штанину. Правда, на нем были шорты. Но пальцы его работали по памяти о штанах.

– Он хотел услышать, как это случилось, – сказал он и постучал пальцем по глубокой дырке на голени, которой я никогда не замечал прежде.

Вот тогда Либби оттолкнулась от раковины.

Ее губы были красны, но часть моего сознания отметила, что это от стейка. Она его жевала.

Другая часть меня смотрела на указательный палец Деда, вонзающийся в голень. Я спрашивал его о шраме у рта, а не на ноге. Но я не намеревался отвлекаться.

– Пришлось ту собаку... – сказал он мне, именно мне, и Либби уронила свой стейк на линолеум.

– *Пан*, – сказала она, но Даррен резко поднял руки. – Он не может, не это... – сказала она почти визгливым голосом,

но Даррен закивал – нет, он может.

– Тебя не было *там*, – сказала она ему, и когда Даррен снова посмотрел на нее, она повернулась, хрюкнув, пнула низкую дверку и, как я понял, выбежала в сад. По крайней мере, ее «Эль Камино» не завелся.

– Что случилось? – сказал я Деду.

– У нас была та собака, – сказал Дед, кивнув, словно все это снова обрушилось на него, шевеля пальцами перед глазами, словно история была волокнами в воздухе, и если он поднимет руки как надо, то сможет собрать их и поймать смысл, – у нас была та собака, и она... она сцепилась с кем-то, ее укусили... укусили, и мне, ну, пришлось.

– Бешенство, – встрял я. Я знал это с детства, с младшего класса, когда мне кололи вакцину в живот.

– Я не хотел будить твою сестру, – сказал Дед Даррену. – Потому... потому я взял молоток, верно? Молоток – это довольно тихо. Молоток сойдет. Я перетащил ее через забор на эту сторону, и... – Он рассмеялся визгливым старческим смехом и попытался встать, чтобы показать.

– Ее? – сказал я, но он уже показывал, как держал эту большую бродячую собаку, замахиваясь на нее молотком, собака вертелась, он промахивался, один из его ударов попал ему по голени, так что ему пришлось прыгать на одной ноге, собака вырывалась, чтобы выжить.

Он все еще смеялся – или пытался.

Даррен запрокинул голову, словно пытаясь закатить глаза.

— Я хотел, я хотел... — сказал Дед, снова найдя свое кресло и упав в него, — как только я ударил ее в первый раз, щенок, я захотел, чтобы мне никогда не пришлось бить второй раз, — закончил он.

Но смеялся только он один.

И это не был настоящий смех.

В следующий понедельник Либби снова отвезла меня в первый класс и сидела на обочине тротуара, пока я не переступил порог.

Я продержался два дня.

Когда мы вернулись из школы и с работы во вторник, Дед лежал на пороге, наполовину на улице, мутные глаза его были открыты, мухи влетали и вылетали из его рта.

— Не... — сказала Либби, пытаясь схватить меня за рубашку и удержать в «Эль Камино».

Но я был слишком быстр. Я бежал по мергелю. Мое лицо уже пылало.

А затем я остановился, вынужденно отступив на шаг.

Дед не просто лежал наполовину снаружи, наполовину внутри. Он также был наполовину человеком и наполовину волком.

От пояса вверх, в той части, что вывалилась за порог, он оставался прежним. Но его ноги, все еще лежавшие на кухонном линолеуме, были покрыты клочковатой шерстью и выглядели иначе, мускулы были другими. Стопы вытянулись

почти в два раза, превратившись в выгнутое колено, как у собаки. Бедра выдавались вперед.

Он действительно был тем, о чем всегда говорил.

Я не знал, как справиться с лицом.

– Он шел к деревьям, – сказала Либби, посмотрев туда.

Я тоже посмотрел.

Когда Даррен вернулся оттуда, куда ходил, он все еще застегивал рубашку. Он говорил – чтобы она не пропотела, куда бы он ни ходил.

Я верил ему.

Я привык всему верить.

Он остановился, увидев нас сидящими на открытом багажнике «Эль Камино».

Мы доедали ланч, который я не съел в школе, поскольку учитель тайком дал мне несколько ломтиков пеперони из пластиковой коробки.

– Нет, – сказал Даррен, поднимая лицо к ветру. Это не касалось моей доли вареной колбасы. Это касалось Деда. – *Нет, нет, нет!* – завопил он, поскольку он был как я, он умел настаивать, он мог заставить что-то свершиться, если сказать достаточно громко, если до конца стоять на своем.

Вместо того чтобы подойти ближе, он развернулся. Рубашка спланировала на землю позади него.

Я шагнул было за ним, но Либби удержала меня за плечо.

Поскольку мы не могли войти внутрь – Дед лежал на по-

роге, – мы сидели на багажнике «Эль Камино», и ногти Либби скребли белые стропы багажника. Под ними был выцветший черный, как и во всей машине. Когда вечерний воздух остыл, мы вернулись в кабину, подняли окна, и вскоре вдыхали запах сигарет Рыжего. Я сунул указательный палец в обожженное пятно на приборной доске, затем повел им по трещине в ветровом стекле, пока не поранился.

Я спал, когда под нами вздрогнула земля.

Я сел, посмотрел в заднее стекло. Деревья пылали.

Либби прижала к себе мою голову.

Это был Даррен. Он угнал ковшовый погрузчик.

– Твой дядя, – сказала она, и мы вышли наружу.

Даррен подогнал погрузчик к дому, опустил ковш до уровня порога, спрыгнул на землю, обошел его и поднял Деда на ковш. Рот Деда распахнулся, ноги выглядели уже почти обычно, но рот все еще пытался вытянуться вперед. Превратиться в морду.

– Он был слишком стар, чтобы обращаться, – сказала мне Либби, качая головой при виде этой трагедии.

– А что, если бы смог? – спросил я.

– Ты же не дурак, верно? – По ее улыбке я понял, что отвечать мне необязательно.

Даррен не мог позвать нас, поскольку погрузчик слишком шумел, но он встал на верхнюю ступеньку, высунулся из кабины, держась за поручень, и помахал нам рукой.

– Не хочу, – сказала мне Либби.

– Я тоже, – ответил я.

Мы поднялись к Даррену, сели по обе стороны на выступы его тряского распоротого сиденья, мое левое плечо прижалось к холодному стеклу.

Даррен выехал прямо в поле и ехал, пока вокруг не оказались одни деревья, а затем он поехал сквозь деревья к ручью. Он поднял Деда, понес его на руках к высокой сухой траве, а затем ковшом вырыл могилу на крутом берегу ручья.

Он взял отца на руки, посмотрел на Либби, затем на меня.

– Твой дед, – сказал он, держа его на руках. – Вот что могу я сказать об этом старом хрене. Он всегда любил ловить свой обед вместо того, чтобы покупать его в магазине, так ведь?

Он почти плакал, говоря это. Я отвел взгляд.

Либби закусила губу, отбросила волосы с правой стороны лица. Даррен уложил Деда в новую могилу, затем ковшом засыпал его выкопанной землей, потом насыпал еще, черпнув глины со дна ручья и вывалив ее сверху, а затем стал раскапывать курган все сильнее и сильнее, безумнее и безумнее, переломав все кости Деда, так что любому, кто бы выкопал их, было бы все равно.

Таков обычай вервольфов.

– А что будет со мной? – сказал я по дороге домой в кабине погрузчика.

– В смысле – со мной? – сказал Даррен, и когда я глянул на луну, которая только-только появилась над верхушками деревьев, она была яркой и круглой. В ее свете четко рисовался

его силуэт, склонившийся над рулем так, словно он родился для этого.

Каждый мальчик, у которого никогда не было отца, преклоняется перед своим дядей.

– Он имеет в виду – *с ним*, – сказала Либби, иначе подчеркнув слова.

– О, о, – сказал Даррен, притормаживая при выезде из деревьев. – Твоя мама, она...

– Не все дети, рожденные от вервольфов, становятся вервольфами, – сказала Либби. – Твоя мама не унаследовала этого от твоего Деда.

– Некоторые нет, – сказал Даррен.

– Некоторым везет, – сказала Либби.

Остальную дорогу мы молчали, как и остальную часть ночи, по крайней мере, пока Даррен не начал втягивать воздух сквозь зубы за кухонным столом, словно думал о чем-то все время и уже не мог держать этого в себе.

– Прекрати, – сказала Либби.

Я сидел рядом с ней у очага, огонь разгорелся не сразу.

– Не жди, – сказал Даррен с рассеянным взглядом и вышел прежде, чем Либби успела остановить его.

Но я думал, что она и не стала бы.

Погрузчик взревел, провел светом фар по окнам кухни и зарычал, удаляясь к горodu, высоко подняв ковш.

– Собирай вещи, – сказала мне Либби.

Я взял черный мусорный мешок.

Когда Даррен поутру вернулся, я стоял у багажника «Эль Камино», ища свой учебник по математике.

Но верфольфам не нужна математика.

Даррен снова был обнажен.

Вместо разномастных купюр и бутылок кулера на его плече был широкий черный пояс.

– Помнишь, когда ты хотел быть вампиром? – сказал он мне, все время глядя на дом.

Его руки и подбородок были черны от запекшейся крови, и вонял он соляжкой.

Я кивнул, типа вспомнив, как я хотел быть вампиром. Это было из выцветшей книжки комиксов, которую он позволил мне читать вместе с ним, когда впервые вернулся домой.

– Это лучше, – сказал Даррен с заразительной улыбкой, затаившейся в углах губ. Затем появилась Либби, с руками в муке, с закатанными рукавами.

Она остановилась в нескольких шагах, смахнула белую полосу с лица, затем посмотрела на дорогу за спиной Даррена, а затем медленно перевела взгляд на него. На его руки. На подбородок. На его глаза.

– Нет, – сказала она.

– Я не виноват, – ответил Даррен. – Не то место и не то время.

Потертый черный пояс на его плече принадлежал копу. Это было видно по всем его карманам. Даже пистолет с пер-

ламутровой рукоятью все еще был в его шаблонной кобуре, тускло-белая рукоять хлопала Даррена по бедру, на каждом шагу поблескивая серебряной звездочкой.

– Спорю, выручим семьдесят пять баксов за него в придорожной забегаловке, – сказал он, взвешивая его в ладони, словно показывая его ценность.

– Иди в дом, – сказала Либби, подталкивая меня к дому. Ей пришлось толкнуть меня посильнее.

– Больше никаких винных магазинов, – сказала она Даррену голосом плоским, как тупая сторона острого ножа, который она умела крутить в руке.

– Медведю с волком не ужиться... – сказал Даррен. Он произнес это с таким спокойствием, посмотрев налево и коснувшись при этом точки у себя над бровью, что эти слова прозвучали как строка, которую он твердил всю долгую дорогу домой.

Либби сильно ударила его в грудь.

Даррен был готов, но все равно чуть попятился.

Он попытался обойти ее и пойти в дом, чтобы одеться, взять бутылку с кулером, но Либби оттащила его, и поскольку я был достаточно близко, я услышал, как один из них издал утробный рык. Серьезный рык.

Я показался себе таким маленьким.

Но я не мог отвести взгляд.

Сейчас кожа Даррена плясала у него на груди.

Это был Дед, что возродился в своем сыне. Я видел Деда

молодым, его неудержимо тянуло скитаться, драться, загонять свой ужин ночь за ночью, поскольку его колени никогда не заболят. Поскольку его зубы будут всегда крепкими. Поскольку его кожа никогда не станет пергаментной. Поскольку пятьдесят пять лет – это где-то в бесконечности. Поскольку вервольфы живут вечно.

И затем снова пошел запах, наверное, так пахнет рождение. Вывернутое тело. Превращающееся тело.

– Папа *умер*, Либ, – сказал Даррен, и вся его боль, все оправдание за то, что случилось в городе, – все было в его голосе, в том, как начал срываться его голос.

– А *он* – нет, – показала на меня Либби. Даррен бросил взгляд на меня, затем вернулся к Либби. – Мы просто не можем больше делать того, чего хотим, – сказала она, почти не разжимая зубов. – Пока не...

Я сжал кулак, готовый броситься прочь, спрятаться. Я знал, где ручей Деда.

– Пока что? – сказал Даррен.

– Пока то, – ответила Либби, высказав остальное глазами, на том языке, которого я еще не понимал.

Даррен уставился на нее, стиснув челюсти и играя желваками, глаза его пожелтели – или просто в них отразился свет утреннего солнца. Только вот небо было все еще облачным. Как раз в тот момент, когда он метнул взгляд этих опасных новых глаз на Либби, она ударила его по щеке так, что его голова дернулась в сторону.

Она еще выпустила когти – не из-под ногтей, как я думал, но из костяшек пальцев прямо над ногтями. Я даже не заметил, как это вышло.

Мои глаза делали моментальные снимки каждого момента того, что делала ее рука.

Кусок нижней губы Даррена отлетел с его рта и шлепнулся ему на грудь, нижняя часть его носа чуть съехала в сторону, отсеченная от верхней части.

Его глаза не двинулись.

Пальцы его ног тоже вытянулись, становясь волчьими.

– Нет! – крикнула Либби, шагнула вперед и врезала ему коленом по яйцам так, что он аж поднялся на цыпочки.

Даррен упал вперед, свернулся, нагой, на мягком глинистом известняке, дрожа кожей, и Либби стояла над ним, тяжело дыша, все еще рыча, волчьи мышцы под ее кожей красиво напрягались, ее когти блестели черным, и непререкаемым тоном она говорила ему, что его пьяным дням *конец*, что теперь ему вести грузовик, он *понял*?

– Ради Джесс, – сказала она ему под конец – мою мать, Джессику, назвали в честь ее матери – и вытерла глаза тыльной стороной руки, на кратчайший миг на внутренней части ее запястья сверкнул черным коготь, но совсем ненадолго, чтобы иметь значение.

Но это имело значение. Для меня.

Из-за этого мир вокруг нас пошел трещинами, формируясь в новый облик. В тот миг мы стояли внутри него, как в

пузыре, и этот пузырь схлопывался.

За десять минут мы забили багажник «Эль Камино» картонными коробками и мешками. Дом Деда сгорел до цементного основания, и мы все трое забились в салон «Эль Камино», чтобы как можно дальше уехать за эту ночь от мертвого копа.

Но.

В этот момент все события повернули в одну конкретную сторону.

Из-за этого когтя на внутренней части запястья моей тетки я снова слышал моего Деда.

Это была одна из первых историй, которую он мне рассказал, прямо перед тем, как Даррен снова вернулся в город, чтобы держать Рыжего подальше от Либби. Его левый глаз, похоже, в то время уже давил на его мозг.

История была о рудиментарном пальце.

И ни одна из историй Деда не была враньем. Теперь я это знал. Просто правда там была иной.

Он раскрывал мне тайны с тех пор, как у меня начало хватать усидчивости, чтобы слушать.

У собак, говорил он, рудиментарный палец бесполезен, это просто наследие тех времен, когда они были *волками*, утверждал Дед.

Рудиментарные пальцы – это про рождение, про то, чтобы родиться.

Точно так же, как птенцам нужен клюв, чтобы проклю-

нуться, или как змеенышам нужен острый нос, чтобы пробиться сквозь оболочку яйца, так и щенкам верфольфов нужны рудиментарные пальцы. Это из-за их человеческой половины. Поскольку если волчья голова скроена так, чтобы скользить по родовому каналу, человеческая голова – все щенки во время родов меняются от волка к человеку и обратно – слишком большая и массивная по сравнению с ней. И женские части тела матери для этого не приспособлены. Можно вырезать щенка из чрева, как они пытались сделать с Бабушкой, но нужен кто-то понимающий, что делать. Если нет ножа или кого-нибудь, кто может его держать, а мать – человек, не волк, – *вот* когда нужен рудиментарный коготь. Чтобы щенок мог выбраться при помощи лап. Чтобы мгновенным ударом остроты с внутренней стороны запястья чуть расширить отверстие.

Это страшно, кроваво, но работает. По крайней мере, для щенка.

И теперь я понял насчет дедовых клещей. Про эту гладкую впадину шрама на тыльной стороне его ладони, что он мне показывал.

Так я однажды посмотрю и на собственные руки.

На внутренней стороне моих запястий были два бледных шрамика. Либби говорила, что они от нагревающейся части дедовой плиты, когда я потянулся за тостом в ту пору, когда ломоть хлеба был размером с мою голову.

Дед постоянно мне рассказывал, но все же – собаки?

Я видел собак в окно, когда ехал в школу, но Дед никогда не держал дома собак.

Собаки все понимают. Собаки знают, когда они в меньшинстве.

– Нет, – сказала Либби, глядя на меня, на тыльную часть моих запястий новым взглядом, сравнивая свои рудиментарные когти с моими шрамами.

Это не собаку Дед забил лопатой.

Теперь я видел это так, как он рассказал бы, если бы мог раскрыть, как все это случилось.

Четырнадцатилетняя девочка начала рожать, *человеческая* девочка начала рожать *человеческого* ребенка, только на полпути ребенок начал меняться, крохотные иголки зубов вылезли из десен на много месяцев раньше. Этого не должно было быть, такого никогда не бывало прежде, она в помете родилась с пальцами, не с лапами, она должна была остаться в живых, она должна была *выкинуть* человеческого ребенка, но в крови его был волк, и он стал выбираться наружу.

Моя мама, я же не просто вспорол ее, я заразил ее.

Прирожденные вервольфы контролируют то, чем они являются, или могут, по крайней мере. У них есть шанс.

Но если ты укушен, ты становишься неуправляем.

– Мы намереемся уехать далеко, очень далеко отсюда, – сказала мне Либби прямо в ухо. Я прижался к ней, мы оба дрожали.

Ее дыхание пахло мясом, переменной образа.

Даррена не было той ночью, когда это произошло, когда я родился. Но она-то была.

Настоящая история, то, что она видела, о чем Дед пытался рассказать в конце концов, заключалась в том, что отец отнес свою старшую дочь за дом, он вынес ее, и она, вероятно, уже начала меняться в первый раз, но он сдерживал своего волка, он не хотел сражаться с ней вот так.

Это дело мужчин.

Он поднял свой слесарный молоток всего раз – сферический боек должен был ударить нежно, но он был слишком нерешителен, не мог сделать это от всего сердца, удар скользнул по шее, а она уже была на четырех, она набросилась на него, ее новорожденный сын вопил на пороге, ее сестра-близнец выкусывала его детские рудиментарные когти раз и навсегда, и до конца этой ночи, до конца его *жизни*, этот муж, и отец, и чудовище поднимал и опускал свой молоток, пытаясь попасть в цель, с мокрым от усилия лицом, и два их силуэта скользили по бледной траве вокруг дома снова и снова.

Мы вервольфы.

Так мы поступаем, так мы живем.

Если это можно назвать жизнью.

Глава 2

Рай вервольфов

– Я хочу... укусить тебя... в шею, – говорит вампир, поднимаясь на цыпочки, чтобы еще раз увидеть себя в зеркале.

– Нет, нет, нет, *нет*, – третий раз повторяет вампирский дядя. – Высосать твою кровь. Вот что делают вампиры. Они сосут твою кровь.

– А что тогда делают вервольфы?

– Например, покупают сестре приличный костюм, – говорит вампирская тетя, пытаясь протиснуться в узкую ванную, чтобы поправить одежду.

Сегодня она медсестра. Вся в белом.

Вампирский дядя в резиновой маске вервольфа, на его нагой безволосой груди синим фломастером написано «ШОКОЛАДНЫЙ ВОЛЧИК».

Это Флорида, здесь так влажно, что на отбойниках растет мягкий зеленый пух. Они остановились по дороге из Арканзаса из-за океана, не из-за «Эль Камино». «Эль Камино», наверное, мог бы ехать и дальше. Вампиру сейчас восемь лет. Его дядя говорит – лучший возраст для Хеллоуина, хотя и для всех остальных возрастов это тоже верно.

Хеллоуин – единственный день в году, когда вервольфы ходят в церковь.

Чтобы попасть туда, им приходится ехать через окраины города. Тротуары уже полны мумий, зомби, ковбоев и пиратов.

– Они тоже в церковь?

– В другую, – отвечает вампирский дядя.

Вампирский дядя сидит на пассажирском кресле в своей маске, и когда каждый третий солдат или принцесса смотрят на длинный четырехдверный проползающий мимо «Кэприс»⁴, он наполовину высовывается из окна, рычит и щелкает когтями.

– Из-за тебя нас выволокут из машины, – говорит вампирская тетя.

– Не в эту ночь, сестричка по рваным укусам, – отвечает вампирский дядя.

На заднем сиденье вампир хочет улыбнуться, но чувствует белый грим на лице, запекшийся, словно скорлупа или застывшая глина, и понимает, что он треснет.

Да и вообще, вампиры кусают в шею. Им незачем улыбаться.

Он засыпает, как только они проезжают город, просыпается на волосатых руках дяди, не осознает, что это длинные перчатки, пока не вспоминает, что сегодня за ночь. Они даже не шли по тропе среди деревьев, просто следовали за теткой, она тут бывала много лет назад. Ее белый костюм почти

⁴ Chevrolet Caprice – американский полноразмерный автомобиль, выпускавшийся подразделением корпорации GM Chevrolet как модель с 1966 по 1996 год.

светится.

– Кто показал тебе это место? – спрашивает вампирский дядя.

Вампирская тетя не отвечает, просто продолжает идти.

Вервольфы не боятся темноты. Даже одетые как призрачные медсестры.

Но люди могут испугаться.

Вампир под своим гримом все еще человек. Он будет им до двенадцати или тринадцати – и, может, останется им навсегда, если не обратится, как говорит его тетя. Тут не угадаешь.

Вампир жует свои пластиковые клыки и пытается смотреть вперед. Теперь они поднимаются по холму. Его лицо разваливается на куски.

Он больше не хочет быть вампиром. Это не как в комиксах. Он даже почти не может вспомнить комиксов.

Через десять, двадцать или тридцать минут его тетя останавливается, поднимает нос и нюхает воздух. Прямо над ним точно так же поступает вампирский дядя.

– Скажи мне, что это не тот, кто я думаю, – говорит дядя.

– У тебя нюховая галлюцинация, – отвечает тетка. – Он никогда не покидает Арканзас.

– Покинул бы ради своего «Эль Камино», – говорит дядя. Вампир понимает, что он хотел бы плюнуть, но из-за маски не может.

Эта церковь на отшибе. Они там не первые. Там нет ни

огня, ни света, даже поляны, честно говоря. Но во тьме шныряют тени. Одна из них проскальзывает мимо вампирского дяди, и дядя поставил было вампира на землю, как большую шахматную фигуру, но тетя оглядывается, отрицательно качает головой в медицинской шапочке.

– Но... – начинает было вампирский дядя с зарождающимся в горле скулежом.

Призрак медсестры смотрит на него, повернув к нему безликое лицо, и дядя снова берет вампира на руки.

– Это всего лишь Хеллоуин... – говорит дядя.

– Хеллоуин будет тогда, когда я скажу, что это Хеллоуин, – говорит тетя и протягивает руку, как училка в школе, чтобы взять у тебя указку. Они должны следовать за ней вокруг пахучего пруда, мимо выворотней с корнями, воздетыми в воздух. К центру поляны, которая не поляна. К почти провалившемуся внутрь прицепа вроде того, который водит вампирский дядя.

Этот старый и ржавый. Зарос кустами и оплетен вьющимися растениями.

На приборной панели, где ставится картинка, когда картинка есть, находится то, ради чего они здесь.

Волчья голова в желтом круге.

Это священное место.

Вампир устраивается на руках у дяди так, чтобы смотреть по сторонам на всю движуху в темноте. Ощущение, что вокруг повсюду шепот. Он звучит улыбочиво. Пахнет оскалом.

Это та ночь, когда на звонки в полицию насчет вервольфов ответа не будет. Ночь, когда вервольфы встречаются, видят друг друга.

Вампир ощущает, как мышцы дяди начинают затвердевать как сталь.

В тетку тычется носом стоящий на четырех, но достигающий ей едва до ребер ее бывший. Вампир видит это по его волосам. И по глазам.

– Великолепно, – говорит вампирский дядя, ставя его на землю без разрешения вампирской тетки.

Вампир нашаривает петли его пояса.

– Все хорошо, – говорит им через плечо вампирская тетя.

Ее бывший тычется мокрым носом ей в руку. Все тело его идет волнами от напряжения. Он выглядит как человек в костюме, наклонившийся на слишком длинных ногах. Только это его лучший костюм. И лучшая маска. Самая живая. С длинной дергающейся мордой. И теми же глазами.

– Рыжий, – говорит вампирская тетя, как вы бы сказали «привет». Но это не привет. Это предостережение, насколько понимает вампир. Потому что нельзя доверять тому, кто меняет облик и не возвращается.

Они прожили бы счастливо лет десять-пятнадцать, нашли бы место, где хватило бы простора, чтобы бегать и есть.

Вампирская тетка говорит, что это эгоизм, тупость, быть все время волком – не рай, и по ночам она порой плачет из-за этого, по всем умершим, полупревратившись. По всем, убе-

гавшим с пулей в бок как с жемчужиной, сделанной из лавы. По всем, застывшим у забора с пестрой кошкой в зубах, странным образом привлеченных желтым светом окна. Иногда по ночам тетя плачет по всем этим оволчившимся вервольфам, брыкающимся во сне, когда в их памяти просыпаются странные запахи: соуса для барбекю, мела бильярдного стола, освежителя воздуха.

Не сны, кошмары. Прошрое, которого они не могут вспомнить. Личность, которой они не узнают.

Ее бывший тоже ничего не может ей об этом рассказать, как понимает вампир. Горло вервольфа не приспособлено для человеческой речи. Слов не выговоришь. Слишком многое надо объяснить.

Но они могут скалиться. Рычать.

– Он знает. Он помнит, – говорит вампирская тетя достаточно громко, чтобы вампирский дядя точно услышал.

– Поезд давно ушел, – говорит вампирский дядя. – И давно уже не такой скорый в любом случае.

– Тс-с-с, – говорит тетя. – На сей раз все будет хорошо. – Ладонь ее до сих пор гладит бархатный нос мужа. Но когда через мгновение он щелкает зубами, она уже прижимает руку к груди, оскалившись.

– Идиот, – говорит вампирский дядя, шагнув вперед, и когда вампир поднимает взгляд, дядя уже снял резиновую маску.

Но волчья морда остается. И уши.

Дядя даже не ждет конца превращения. Он налетает на бывшего мужа сестры, и это безумие, клубок, схватка в эту самую святую из ночей, щелканье зубов и рычание, и длинные выплески крови, а остальные, пришедшие в церковь, стоят на своих двоих, смотрят и ждут – двое из них люди, обнаженные – и что навсегда останется в памяти вампира, это образ тети в костюме медсестры. Она делает шаг прочь от схватки, но тянется к ним, прижимая другую руку ко рту.

– Вот теперь Хеллоуин, – говорит вампир, но про себя.

После этого все закружилось. Быстрее чем прежде.

Вампирская тетя, все еще почти во всем своем развевающемся костюме медсестры, но уже на четырех, ее острые опасные убийственные клыки вцепились в воротник на затылке вампира, и хотя ему восемь лет, они так быстро бегут сквозь деревья, что лицо вампира трескается на сотню осколков, на тысячу.

Это не имеет значения для тети, когда она обращается снова, снова завязывает свой больничный халат, отвернувшись в тень, лицом к длинному туннелю.

Вернувшись через город, она резко останавливается перед последним домом, над крыльцом которого горят огни, объясняет вампиру, что он должен здесь делать, затем выуживает бумажный пакет из-под бургера, вытряхивает мусор. Открывает пакет, заставляет взять его.

– Постучи, – говорит она ему, показывая ему жестом на тротуар.

На полпути к дому вампир слышит, как она плачет в машине, но не оборачивается.

– О, нет, берегите шею, – слишком высоким голосом говорит покачивающаяся на ногах женщина, открывшая на стук.

Вампир держит свой бумажный пакет и ждет, что будет дальше.

Глава 3

Американский ниндзя

Мы пробыли в Порталесе, Нью-Мехико, достаточно долго, чтобы я успел натоптать тропинку от нашего трейлера до бочки для сжигания мусора. Даррен, когда ее увидел, назвал «собачьей тропой», а потом ткнул меня в плечо и опустился в боевую стойку, выдвинув плечи вперед, как боксер, а не кусачий зверь. Иногда это перерастало в сеанс борьбы прямо в жилой комнате, по крайней мере, пока не падала лампа или не проливался кофе Либби. К тому времени мне было уже двенадцать лет, и я вытянулся, так что для борьбы мне нужен был двор, не комната. А в другой раз я снова просто выносил полупустой мусорный мешок на плече вниз по склону из задней двери трейлера.

Потому что наступала ночь. Потому, что ночь наступает всегда, если ты вервольф.

До бочек было восемьдесят девять шагов.

И это была не собачья тропа.

Так Даррен подбадривал меня, поскольку я еще ни разу не обратился. Наверное, хотел сказать мне, чтобы я не беспокоился, что я такой же, как он. Как Либби, как Дед.

Но я ощущал себя иначе.

Однако я был не против пробежаться с мусором.

Всегда можно сказать, кто может быть вервольфом, если он осторожничает, как мы. Если он выносит мусор каждый вечер, даже если мешок не полон. Даже если это трата мешка. Но я их не выбрасывал. Я их вытряхивал в шелушащиеся черные бочки, запихивал белый пакет в карман и снова использовал его на следующий день.

Это была моя сделка. С миром.

Я забочусь о тебе, ты позаботишься обо мне, хорошо?

Даррен рассказал мне, что первый раз обратился на три года раньше срока, и это заставило Либби обратиться, а моя мама даже глазом не моргнула, просто встала и захлопнула кухонную дверь, чтобы они не могли выйти, а затем загнала Даррена и Либби в угол шваброй и держала там, пока Дед не пришел домой.

На три года раньше – стало быть, в десять лет.

Похоже, я буду поздним.

Если вообще буду.

Либби никогда не говорила этого вслух, но я чувал, что она склонялась к «никогда». Она не желала для меня жизни такой, как у нее с Дарреном, – переезжать каждые несколько месяцев с места на место, гонять машины, пока те не отдадут концы, а затем идти пешком, пока не добудешь другую. Она хотела, чтобы я так и не пристрастился ко вкусу сырого мяса. Она хотела для меня нормальной жизни, в городе.

Но мы все же вервольфы.

Каждую ночь на закате один из нас выныривает из задней

двери, чтобы сжечь мусор, поскольку все мы знаем, что может случиться, если оставить его на кухне, – кто-то в ночи станет волком, и, поскольку обращение сжигает все твои запасы жира и даже забирает лишку, первое, что ты делаешь, когда становишься волком, – *единственное*, о чем ты можешь думать, если начнешь обращаться, – это еда.

Это не выбор, это выживание. Ты жрешь все, и быстро, будь это спящие вокруг тебя на привале люди или, если тебе удалось снять трейлер на четыре месяца, кухонные отбросы.

Звучит тупо, но это правда.

Когда мы впервые открываем глаза как вервольфы, отбросы кажутся такими ароматными, такими совершенными, такими правильными.

Только есть одно но.

Есть то, что ты не сможешь переварить, как бы голоден ты ни был.

Ты никогда не просыпался с зазубренной крышкой от консервной банки в животе? Даррен говорит, что это как диск циркулярной пилы на первой передаче. Но это лишь потому, что ты такой хрупкий по утрам, такой человеческий. Даже зажим для пакета может ранить обшивку твоего желудка.

Волк этого не понимает, он просто знает, что надо все сожрать, быстро и *прямо сейчас*.

Однако с наступлением дня столько вервольфов от этого умирает – так сказала мне Либби. Столько умирает из-за сломанной вилки в животе, которая пронзает их изнут-

ри. От выброшенного, но целого говяжьего ребра, протыкающего их селезенку, поджелудочную. Она сказала, что как-то слышала, как кто-то умер из-за домашней собаки, у которой в почке торчал железный прут. Этот прут нормально прошел через волчью глотку вместе с хрустящими косточками домашнего питомца, но утром для человека он стал копьем.

Либби нарочно остановилась на слове «копье», пригвоздив меня взглядом, чтобы я как следует слушал.

Я и слушал. Типа слушал.

Поскольку я был уверен, что могу обратиться в любую ночь, пробежать на четвереньках по длинному коридору из моей спальни в любой момент, обнюхать кофейный столик, а затем меня привлечет более заманчивый запах кухни. Поскольку это определенно должно было случиться, я постоянно выбрасывал мусор. Я не был против того, что Либби никогда не выбрасывала туда металлические мочалки или пакеты от отбеливателя. Не был против, чтобы мы держали банку с черным перцем прямо на стойке, чтобы сыпать его в набравшийся за день мусор.

Я знал, что *унюхаю* все и с ним.

Я намеревался стать вервольфом. Несмотря на молитвы Либби.

Жизнь, которой она хотела для меня, была жизнью, которой должна была жить моя мать, ее небытие вервольфом должно было достаться мне по праву рождения. Но что-то

засбоило. Это было один раз или было заложено. Этого они с Дарреном не могли предугадать. Во мне была нужная кровь, но пробудится ли она или я одиночный случай? Дед умер пять лет назад, и старшего поколения не осталось, чтобы спросить. Бывало ли такое раньше? Бывали ли прежде такие, как я?

Должно было быть.

Вервольфы были всегда. Так что все варианты нас должны были появляться, так или иначе.

Просто память такая хитрая штука.

Пока мы в точности не будем знать, так или иначе, Либби забивала мою голову фактами, словно пыталась запугать меня и заставить отступить.

Мы ехали в Техас, и большая «Дельта 88»⁵ пожирала милю за милей. Трейлер был почти пуст, поскольку все наши пожитки сгорели пару переездов назад, и она ровным голосом, словно читала правила безопасности, перечисляла снова и снова все способы, которыми мы, как правило, умираем. Это вервольфовская версия ток-шоу. Только трупов больше.

Это заняло целых десять часов, ни радио, ни книг, ничего. Я проглядел дыру в приборной панели, не желая дать ей по-

⁵ Oldsmobile 88 – модельная серия американских полноразмерных легковых автомобилей, выпускавшаяся с 1949 по 1999 год подразделением Oldsmobile компании General Motors. В свое время в рамках серии «88» существовало большое количество отдельных моделей: Delta, Dynamic, Jetstar, Starfire, Super, Holiday, L/S, LSS, Celebrity и Royale; в итоге обозначение автомобиля выглядело, например, как Oldsmobile Delta 88.

нять, насколько все совершенно. Как мне нравится каждый отдельный факт.

Она уже рассказала мне о мусоре.

Остальное же: быть вервольфом – это как русская рулетка, сказал бы Даррен. Это просыпаться каждым утром с пистолетом у виска. А затем он щелкал зубами в конце предложения и пару раз взвизгивал, и мне приходилось отворачиваться, чтобы Либби не видела моей улыбки.

Четыре месяца, которые мы провели в Нью-Мехико – дальше на запад мы вообще не забирались после нашего бегства с востока из Арканзаса, – он гонял дома-трейлеры между Порталесом и Рейтоном вплоть до Колорадо. И если сифоны труб этих кухонь и ванн были забиты трусами или чем еще, он все равно об этом не знал.

Его учетные журналы были педантичны, его номера были отчищены до блеска, и его лицензия даже не истекла, кстати. В лицензии стояло не его имя, но во всем остальном все было полностью в порядке, вплоть до глубины профиля его шин.

На этом настаивали его хозяева.

Либби не одобряла, но ты делаешь, что можешь.

И лишь одна смерть, о которой ему действительно пришлось беспокоиться, – старик в машине за рулем, из-за которого он начал обращаться.

По словам Либби, именно так большинство вервольфов и расплачиваются. Не всегда в восьмиколесном грузовике на уклоне в шесть процентов под скрежет тормозов, но в любом

случае на скоростной магистрали. Обычно просто едешь за кетчупом на заправку. Кто-то тебя подрезает, и ты вцепляешься в руль, пока сухожилия на запястьях не начинают лопаться, превращаясь в волчьи лапы.

И вот тут ты тянешься к зеркалу заднего обзора, чтобы посмотреть на себя, удостовериться, что это действительно, на самом деле произошло. Только вот зеркало слетает из-за твоих ныне длиннопалых лап. И если клей хороший, то с зеркалом вылетает кусок ветрового стекла, и ты *знаешь*, насколько чертовски *дорого* это обойдется, и материшься про себя, поскольку трансформацию сдержать никак нельзя.

Подождать милю, говоришь ты себе. Всего милю, чтобы все встало на место. Нет, невозможно снова сделать целой любимую рубашку, спасти лохмотья своих брюк. Но ты не собираешься давить очередного ублюдок...

Но ты уже зацепил его. Скребешь пассажирской стороной по отбойнику всего лишь потому, что руль не предназначен для волчьих лап, для тварей, которые вообще не должны существовать. Ты едва удерживаешь руль, что уж говорить о рычаге передач, а тут еще ботинок на твоей ноге лопается, *отлично*, и она охватывает педаль газа так, как ты и за сто попыток не сделаешь.

Такой момент, однако, имеет значение. Мчатся по дороге на скорости в восемьдесят, потом девяносто миль, без контроля, высунув новую свою голову из окна, словно в шутку, просто чтобы *видеть*, поскольку ветровое стекло все белое

от трещин после того, как ты треснулся об него. И хотя каждый раз, когда ты куда-нибудь едешь, у тебя кончается бензин, *сейчас*, конечно, бак плещется полнехонький.

С минуты на минуту с боковой дороги на встречу выедет фура с прицепом. Ты прямо видишь свое имя на бампере, который станет твоей могильной плитой. Или, возможно, это будет долгое падение в канал с моста, откуда ты уже никогда не вылезешь, вервольфом или нет. Или тебя ждет телеграфный столб.

Мы, вервольфы, крепкие, да, мы созданы для боя, для охоты, мы можем убивать всю долгую ночь и еще немного. Но машины... Машины – это четыре тысячи тонн зубастого металла, да еще на скорости сто миль в час, когда весь мир размазывается горестным мазком – результат тут один.

А если какой невезучий коп увидит тебя, прячась за билбордом, тогда понеслось, верно? Если он тебя остановит, тебе придется загрызть его в два укуса, что при наличии рации вместо решения проблемы лишь усугубит ее.

Так что ты убегаешь.

Это главное, для чего созданы вервольфы. Это мы делаем лучше всего.

Каждый раз, как я вижу в новостях событие вроде этого, я всегда про себя произношу коротенькую молитву.

Это единственное слово – *беги*.

А затем я отворачиваюсь и выхожу из магазина, поскольку я хочу, чтобы эта гонка продолжалась вечно. Я не хочу

видеть, чем это кончается.

Еще один из нас погибнет.

Еще одно изуродованное тело среди ключьев металла и осколков стекла. Просто мужчина или женщина, две руки и две ноги, поскольку в смерти тело снова расслабляется и становится человеческим, часть за частью. В смерти волк прячется.

Но мы передвигаемся не только на машинах и по шоссе. Современный мир создан специально для убийства вервольфов.

Есть, к примеру, картошка фри.

Смысл в том, говорила Либби, меняя руки на тонком руле «Дельты 88» и летя прямо вперед, сверля в ночи дыры глазами, смысл в том, что вервольфы *думают*, что сожгут эти калории во время очередного обращения. И они не ошибаются. Ты сжигаешь свои картофельные калории и больше. Но опасность картошки фри не в калориях. Опасность в том, что как только ты к ним пристрастишься, то ночью, гоняясь по полям за диким кабаном или выкапывая из норы кролика или кого еще – все честная работа, – ты вдруг ловишь этот соленый запах. Если у тебя еще человеческие мозги, ты понимаешь, что не надо идти на этот запах. Ты это знаешь.

Но дело в том, что ты так не думаешь.

Ты бежишь, как дым среди деревьев, скачешь через заборы, и, когда ты находишь эту картошку фри, то она, как правило, на столике для пикника в каком-то уединенном месте.

Просто мечта, верно?

Только не для парочки, которая сидит за этим столиком. Они могут быть молодыми и бедными, которым приходится стирать лапы до крови, чтобы заработать на этот пакет картошки фри на двоих в любимом местечке, или это может быть празднование пятидесятипятилетнего юбилея брака, когда позволяешь себе строго запрещенную в другое время жирную еду.

Оказывается, им просто не надо было есть эту самую картошку на открытом воздухе.

Они не знают, что живут в мире, где есть вервольфы. А когда узнают, уже слишком поздно.

Слепой от голода, ты набрасываешься на этот стол и заглатываешь картошку одним движением и все такое, пока эти двое удирают у тебя за спиной. И в этот момент ты ловишь определенный запах у них на пальцах. И на губах.

Твои лапы скользят по щебню, пыль поднимается облаком, которое ты вот-вот прорвешь, бросаясь назад.

На другой день газеты не опубликуют снимки останков с места преступления или залитый кровью стол.

Тебе не нужны эти снимки. Они у тебя уже в памяти. Как говорит Даррен: вспыхивают днем в мозгу, как обрывки полузабытых снов.

И ты думаешь – *картошка фри*.

И когда ты в другой раз последуешь за этим соленым запахом с луга с болтающимся в пасти честно добытым кро-

ликом, а на пути у тебя эта двухполосная скоростная дорога, которую тебе надо пересечь на пути к этой терпкости, какая-нибудь фура вдруг пронесется по ближней полосе, и ее решетка радиатора толстая и решительная. Или на крыше шлакоблочной душевой вдруг окажутся люди, и их винтовки с оптическим прицелом будут наготове, а в их под сумках лежит твой некролог.

Они будут стрелять в тебя, как всегда, и ты убежишь, как всегда убегает вервольф, но после аварии на ста милях в час волк мало что может сделать для того, чтобы собрать себя по частям. По крайней мере, когда ты состоишь по большей части из жареной картошки.

Может, твое человеческое тело обнаружится через пару лет в дренажной канаве, расплюснутая дробь из него выпадет, но само тело отощает до костей – на то, чтобы оправиться от выстрелов, тратится куча калорий, а когда тебя вот так уложат, ты охотиться не сможешь. Или, может, хищные птицы доберутся до тебя раньше, выключают глаза, мягкие части, пока ты не превратишься в очередного бродягу, скитальца, в очередную трагедию. В неопознанный труп.

Мы, вервольфы, за века стали вервольфами не для того, чтобы жрать картошку фри.

Нужно время, чтобы адаптироваться.

Может, больше времени, чем нам осталось.

Но мы не тупые.

Мы знаем, что надо держаться по большей части на юге

или востоке. Я хочу сказать, мы созданы для снега, это по нам видно, мы больше чувствуем себя дома в снегах и горах, чем где бы то ни было еще, но на снегу ты оставляешь следы, а они всегда приводят к твоему порогу, а это всегда кончается деревенской толпой с вилами и факелами.

Даррен всегда по-особому говорит это – *с вилами и факелами*.

Прям как здрасьте, мы в фильме про Франкенштейна.

Правда, Франкенштейну нечего было опасаться лайкры. Или спандекса.

Эластичные колготки для вервольфа не менее опасны, чем шоссе.

Либби всегда старалась носить джинсовую одежду, и Даррен никогда ничего не носил, кроме джинсов.

Я тоже.

В джинсах хорошо то, что они определенным образом рвутся. Не по швам, как можно подумать – эта желтая стежка крепкая, как леска, – но по центру, где сильнее всего протерты. Хреново постоянно покупать новые джинсы или копать в уцененных, чтобы найти пару с достаточно длинными штанинами, но такова жизнь вервольфа.

Но эластичные штаны в обтяжку – это смерть.

Либби о таком только слышала, никогда не видела, но когда ты втиснешься в узкие штаны или лосины – я не различаю их, разве что по цвету, – то в течение дня они могут так натереть, что ты навек о них забудешь.

А вот что случится ночью.

Начинается трансформация.

Когда они рвутся по бедру или щиколотке, рвутся в талии, какими бы дважды проклепанными они ни были, твои модные штаны превращаются вместе с тобой. Представляю, как тупо ты выглядишь с обтянутыми блестящей тканью лапами, но ты же порвешь глотку и вырвешь сердце любому насмешнику. Проблема решена.

Но только до утра, пока ты не обращаешься назад.

Как тот клещ, что засел в шкуре Деда, эти штанины сократятся вместе с твоими ногами. Только клещ, который в тебе, заносит инфекцию, а на сей раз каждый втягивающийся назад волосок тащит что-то за собой.

И теперь твоя кожа, твоя человеческая кожа отчасти становится штанами. Штанины словно вплавляются в тебя, только глубже глубокого. И поскольку ты только что потратил все свои калории на обратное превращение – это не так просто, как по телику, – и поскольку тебе больно, ты, скорее всего, не сможешь снова стать волком, ты недостаточно крепок, чтобы выдержать такое обширное ранение.

Что хуже, это не мгновенная смерть.

Ты день промаешься.

Если твоя семья – твоя *вервольфовская* семья – тебя действительно любит, они тебя прикончат. Если же ты один, то ты много часов будешь пытаться вырвать эти штанины из своей окровавленной кожи. Эти гладкие скользкие нити

вползают в твои вены и с ударами сердца забираются все выше в твое тело.

Если тебе повезет, то один из этих комков доберется до твоих мозгов.

Если не повезет, то кончишь, пытаясь своими человеческими зубами сорвать кожу с выступов бедер и задней части икр. Отовсюду, где только достанешь.

Это не помогает.

Не знаю, как судебный следователь называет такие случаи смертей. Наверное, наркотическим психозом. Ему очевидно, что тут даже анализ крови делать не надо. Глянь на этот трейлер, на жилую комнату, как они живут. Смотри, как она срывает кожу с себя. Пакуйте ее, ребята. И бросьте спичку, когда выйдете.

Но есть и другой способ смерти.

Может, самый древний.

Даррен пропадал на пять недель, достаточно долго, чтобы Либби начала обзванивать морги насчет жертв аварий, когда на двор, грохоча всеми окнами, въехал его трейлер.

Она выбежала в своем фартуке, крепко обняла его за шею, он едва из кабины выйти успел, обняла так, что почти повисла на нем. Так, что я вспомнил, что они со щенячьего возраста вместе. Что они последние из своего помета. Из своей семьи.

Кроме меня.

Вот почему, думаю, Либби так из кожи вон лезет, чтобы

сберечь меня. Словно пообещала моей маме, что я никогда не стану волком. Что она спасет одного из нас.

Я не уверен, что хотел спастись.

Я стоял на пороге, уже слишком большой для обнимашек, слишком маленький, чтобы не выбежать на рев большой машины, и Даррен поднял ко мне голову, стащил меня из трейлера на дорогу к себе. На заднем спальном сиденье у него лежала коробка замороженных стейков. Сегодня пообедаем *по-царски*, сказал он, взъерошив мои волосы и одновременно отстраняя меня.

Во всех фильмах вервольфы едят свое мясо сырым. Либби как минимум обжарила его. Я еще не понимал вкуса стейков, но мог сделать вид. Даррен поставил рядом с моей тарелкой бутылочку кетчупа, намекая, что жевать я буду долго, и никто не сказал ни слова.

Каждый жилистый сырой кусок набухал у меня во рту. Я с трудом, но заглатывал их. Потому что я вервольф. Потому что я часть этой семьи.

После обеда, когда Либби пошла на работу на кассу в придорожное кафе, Даррен показал мне еще один способ умереть, но прежде чем показать мне его, заставил меня пообещать, что я не коп, не нарик и не журналюга.

– А если я скажу, что я именно такой?

– Если ты расскажешь об этом Либби, она нам обоим задницу оторвет, – сказал он, затем добавил: – Но в первую очередь тебе.

Я сунул ему кукиш под нос.

Он отвел мою руку и демонстративно разжал кулак своей другой руки палец за пальцем.

На его ладони лежал сюрикен, вроде тех, что я видел тысячи раз на блошиных рынках.

Только этот, сказал Даррен, был *серебряный*.

Такие слова вервольфы говорят шепотом, как самый страшный секрет.

Каждый раз, как он подбрасывал его в воздух, и тот вращался, и он схватывал его двумя пальцами с двух сторон – для меня это было как слоу-мо в кино.

У сюрикена были острыми не только концы. Кто-то скопил лезвия, а потом медленно, терпеливо отточил их влажным оселком. Одного веса этого сюрикена было достаточно, чтобы рассечь бритвенно-острыми лезвиями страницы журнала Либби. Мы бросали его по очереди, чтобы просто убедиться, что нечто такое маленькое может быть таким опасным, смертоносным, таким злым.

Когда мы закончили, Даррен благоговейно протянул мне его, держа за стороны. Нож, если подавать его вежливо, ты держишь за лезвие и протягиваешь рукоятью вперед. Но у сюрикена нет безопасных частей.

Даже легкий порез – и наша кровь закипит.

Даррен очень осторожно передавал его, глядя мне в глаза, чтобы понять, что я осознал, с чем мы тут играем – мое сердце разбухло, глотку перехватило, и я подумал – может,

такое ощущение бывает, когда превращаешься.

Он сказал мне только, чтобы я был осторожнее, поскольку это может быть опасным и для меня.

Я был частью его семьи. Я был его крови.

Так что он не увидел бы перемены в моих глазах. Я снова вздернул голову вверх, взял мусорный мешок и пошел свои восемьдесят девять шагов до мусоросжигательных баков.

В мусоре были окровавленные картонные коробки и трепещущие странички из журнала Либби, которые мы изрезали в хлам.

Когда я услышал изнутри глухой стук, я понял, что происходит. Даррен думал, что он ниндзя. Он всегда таким себя считал. Первый из нового поколения, более опасный, чем просто вервольф или просто *ниндзя*. Он плыл по гостиной, падал в слоу-мо в прокручивающемся у него в голове фильме.

С сюрикеном нельзя промахиваться. Он весь лезвие и острое.

Я чиркнул спичкой, поднес огонь к журналам со сплетнями о знаменитостях, в интересе к которым Либби никогда не призналась бы, и стоял там в первых струйках дыма, глядя на то, как тень моего дяди расплывается в движении за занавесками.

Я видел, как он, наконец, остановился и резко сунул в рот указательный палец правой руки.

Я снова повернулся к костру и протянул вперед руки в

ожидании жара и вспомнил, что я однажды видел в передаче о природе: собачьи глаза могут выделять слезы, да, но плакать они не умеют. Они не созданы для такого.

И вервольфы тоже.

Глава 4

Правда о вервольфах

– Но это домашнее задание.

Репортер не должен так начинать. Обычно репортер этим заканчивает.

Учитель репортера-второклассника сказал, что брать интервью у семьи будет просто.

Учителя не знают всего.

Дядя репортера не спал, как он сказал, шестьдесят два часа. Чтобы доказать это, он протягивает руки, чтобы показать, как они трясутся, по крайней мере пока не кладет их на воображаемый руль.

Это происходит прямо перед возвращением в другую часть Флориды в ночи. Домашнее задание еще джорджийское.

– Просто уже сделай это, – говорит репортерская тетя своему брату. Она на кухне, ремонтирует духовку, пытаясь вытащить из нее подсветку.

Дядя репортера отрывает усталый взгляд от дороги, которую еще может видеть, переводит его на синий блокнот на пружине, который держит репортер.

– Ты правда хочешь получить «отлично»? – говорит дядя. – Или даже «отлично» с плюсом?

На кухне тетя многозначительно кашляет. Репортер уже и так пропустил время ложиться спать.

Пока она вытащила из духовки две расплавленные игрушечные машинки. Больше им не ездить.

– Если он не закончит школу... – начинает она голосом гулким, как духовка, но осекается, когда кончики ее пальцев выпускают то, на чем они смыкались. Очередная машинка?

– Я помню школу... – говорит дядя репортера мечтательным полусонным голосом. Он словно исходит из глубины лет. – Знаешь ведь, женщинам такие, как мы, нравятся? – говорит он так тихо, чтобы сестра ничего не добавила.

– Это я должен задавать вопросы, не ты, – говорит репортер, поджав губы.

Поскольку он потерял свой список вопросов, он составил собственный.

– Заткнись, – зевает дядя репортера – так широко, что прямо слышен скрип петель.

– Почему ты всегда мочишься перед этим? – спрашивает репортер, не глядя ему в глаза, с карандашом наготове, зеленым, если не считать следов зубов. Он из коробки с запасными, которую учительница держит на краю стола.

– Писаю? – говорит дядя, под конец заинтересовавшись. Он смотрит мимо репортера в кухню, вероятно, думая, что тетя репортера сейчас сунет сюда голову, раз речь зашла о вервольфах.

Сегодня нет.

Дядя репортера дергает плечом, наклоняется так, что и репортеру приходится наклониться, чтобы услышать его.

– В смысле перед превращением, да? – говорит он.

Да.

– Да просто, – говорит дядя. – Скажем... скажем, у тебя есть золотая рыбка. Ну такая, к которой ты очень привязан и никогда не будешь ее есть, даже если помираешь с голоду, а ее уже полили кетчупом. Но тебе нужно переехать, типа в другой *штат*, понимаешь? Штат. Тебе же не надо ставить целый аквариум с водой на панель управления, верно?

– Ты кладешь ее в пакет, – говорит репортер.

– Самый маленький, насколько только можно, – говорит дядя. – Чтобы облегчить переезд, верно? И ничего не расплещешь, и рыбка, может, живьем доедет, да?

В блокноте, который он держит так, чтобы дядя не видел, репортер пишет: *рыбка*.

– Но знаешь что еще? – говорит дядя репортера еще тише. – У волков, *вервольфов* вроде нас, зубы больше, чтобы есть, глаза острее, чтобы видеть, и когти тоже. Все больше, даже желудки, поскольку мы едим больше, мы же не знаем, когда очередная еда подвернется.

В блокноте репортера появляются четыре тщательно нарисованные полосы, которые могут быть следами когтей.

– У нас все больше, кроме *мочевого пузыря*, – многозначительно говорит дядя. – Знаешь, почему собаки всегда мочатся на коврик? Потому что сдержаться не могут. Потому что

не созданы для житья в доме. Они созданы для того, чтобы жить *снаружи* и все всегда описывать. Они так и не отрастили себе большой мочевой пузырь, поскольку нет очередей, чтобы пописать на дерево. Просто идешь к другому дереву. Или писаешь, где стоишь.

– Но вервольфы не собаки, – говорит репортер.

– Чертовски верно, – говорит дядя, удовлетворенно откидываясь на койку, словно только что испытывал репортера. – Но кое-что у нас общее. Как «Корвет» и «Пинто»⁶ оба имеют бензобаки.

Пинто – такая масть лошади. Пегая. А «мустанг» – машина⁷.

В блокноте – ничего.

– Вот что я хочу сказать, – говорит дядя, сузив глаза до прицела, чтобы показать, насколько серьезна эта информация на «отлично» с плюсом, – если ты превращаешься с шестью кружками пива внутри или шестью колами, эти шесть банок пива или колы надо сначала вылить из себя, а не пытаться впихнуть их в два пакета с рыбкой, понятно?

⁶ Chevrolet Corvette – двухместный заднеприводной спортивный автомобиль, выпускаемый под маркой Chevrolet компанией General Motors в США с 1953 года. Ford Pinto – субкомпактный автомобиль, выпускавшийся компанией Ford Motor Company для покупателей в Северной Америке начиная с 11 сентября 1970 года по 1980 модельный год.

⁷ Ford Mustang – культовый автомобиль класса Pony Car производства Ford Motor Company. На автомобиле размещается не эмблема Ford, а специальная эмблема Mustang.

Репортер пытается вспомнить следующий вопрос.

– У нас еще остались те баллоны? – кричит в кухню дядя репортера, чтобы продемонстрировать урок.

Баллоны? – пишет в блокноте репортер.

Его тетя отвечает грохотом по линолеуму – машинка номер *три*. Она врезается в ножку стула, она лучшая, она выжила.

– «Корвет», – говорит дядя репортера, кивая на машинку, словно это подтверждает его слова.

Прежде чем репортер успевает вспомнить третий вопрос, из-за стойки, отделяющей кухню от жилой комнаты, выскальзывает тетя. Она опирается рукой на стойку, босой ногой задвигает стул под стол, и две красные пластиковые чашки, что стояли на столе, на миг взлетают в воздух, затем становятся на место.

В этот момент замедлившегося времени репортер смотрит на свою тетю. Лицо ее перемазано черным из-за тысяч крошек горелых тостов, и в глазах ее что-то такое, чего репортер определить не может. Если бы это было во время тестирования, когда ты должен дать какой-то ответ. Чтобы тебе хоть немного поверили, он бы написал «тянущийся». Ее глаза «*тянулись*».

Но ее ноги...

От них репортер не мог отвести взгляда.

Они больше не скользили, на следующем шаге они *вцепились* в пол. Острыми черными когтями.

Прежде чем он успевает увериться в этом, время снова срывается с места, и она пролетает мимо кофейного столика, вытянувшись в параллель с полом, прижав репортера к груди, и оба они врезаются в дядю репортера, который только и успевает сложить губы в «О», которая и есть строчная «о».

Все трое почти перелетели через койку, когда искра, которую наверняка увидела тетя репортера в черноте духовки, делает свое черное дело, и вся кухня превращается в огненный шар, от которого вылетают все окна в трейлере, сразу гаснет весь свет, и все трое глохнут, прижатые к стене, ощупывая лица друг друга, чтобы понять, все ли в порядке, и если и есть какой-то правильный ответ про вервольфов, то вот эта картина, когда они прямо здесь пытаются найти друг друга.

Глава 5

Малыш Билли⁸

Каждый когда-то попадает в тюрьму.

Особенно вервольфы.

И даже одна ночь в камере может быть сущим смертным приговором. Поскольку все алкаши, которых заперли с тобой, не могут придумать ничего лучше, как пихать тебя, пытаться спереть твоё одеяло и промочить глотку, конечно, это смертный приговор и для них – но и для тебя, поскольку в живых останешься только ты, по колено в кровище и кишках, и твоя грудь будет от всего этого вздыматься и опадать. И среди ночи все равно, стоишь ты на двух или четырех. В любом случае дежурные копы выстраиваются для стрельбы и всаживают в тебя двадцать одну пулю залпом.

Об этом предостерегал меня *Даррен*. Не Либби. Ее работа всегда была честная, с четким расписанием, иногда даже в униформе или фартуке.

Даррен всегда получал плату наליком.

В тринадцать лет я сидел с ним за столом, помогая разглаживать его десятки или двадцатки, стягивать их резинкой

⁸ Уильям Генри Маккарти (17 сентября (или 23 ноября) 1859 года – 14 июля 1881 года), известен как Билли Кид (*англ.* Billy the Kid, дословно: Малыш Билли) – американский ганфайтер, который убил восемь человек и сам был убит в возрасте 21 года.

и заталкивать в банки из-под кофе или прятать за плинтус. В некоторые ночи даже чаевые бывали. Типа когда купюру двигают по столу после того, как все сказано и сделано. Глаза Даррена говорили мне – не рассказывай ничего. То есть, делясь со мной, он вовлекал меня в опасность.

Думаю, Либби знала, могла, наверное, слышать этот предательский шорох хлопковой бумаги из гостиной, но тут ведь сам выбираешь, во что ввязаться.

Чего она не знала, так это того, что Даррен учил меня расслаблять жилистые мускулы запястий, как рыба фугу. Ее не было дома, когда Даррен этими дурацкими наручниками из долларового набора сковывал меня у стены гостиной с руками за спиной, чтобы посмотреть, смогу ли я подsunуть палец под пластиковый серебристый зажим. Это был старинный трюк Малыша Билли, судя по словам Даррена. Малыш Билли был первым вервольфом. Он был, вероятно, даже первым, кто сообразил, что можно откусить собственный большой палец, когда приперло, а затем обратиться в волка за углом, молясь, чтобы преображение на сей раз не стоило тебе пальца.

Это была прописная истина. Я впитывал ее с удовольствием.

Тогда мы были в чужой части Техаса, к северу от Далласа, к западу от Дентона. «Бьюик», который был у нас в Нью-Мехико, не смог увезти нас дальше. Бриджпорт казался иной планетой, особенно в буран. Все длинные ветки, которые де-

ревья отрастили за сорок лет, сломались под весом снега, завалились на сломанные заборы, повалив их еще сильнее. Даллас был больше чем в часе езды, за крутым поворотом, и слишком яркий. Декатур был ближе и напрямую, и бакалейные лавки там были дешевле. Поскольку Либби уволили со свалки автомобилей в трех милях по дороге от нас за то, что она не вкуривала, какой руль подойдет какого года грузовику, то теперь она мыла полы в двухэтажном офисном здании на северной стороне Декатура. Она приезжала на работу и обратно на отремонтированном маленьком грузовичке «Датсун» со свалки. Он был окрашен из пульверизатора в ярко-синий цвет лет десять-пятнадцать назад, и на водительской двери было аккуратно написано «14», а на пассажирской – «41».

Кое-какие загадки никогда не разрешить.

Даррен тогда не работал. Из-за правой руки. Она все еще гноилась после того сюррикена, а прошли уже *месяцы*, я успел справить день рождения. Смотря телевикторины днем, он постоянно зализывал указательный палец, как большой мясистый нарыв, который только распухал, вместо того чтобы сдуться.

– Так поступают вервольфы, – говорил он, когда я пялился на него.

– Что такое танк? – сказал я ему.

Вопрос в телевикторине был про танки.

– Бум-бум-бум! – прогудел он без намека на улыбку.

Когда я мог читать и читал, Даррен просто слушал ток-шоу по радио. А что делать – нельзя же водить грузовик с открытым бумажным пакетом у себя на бедре.

Или с рукой, которой не переключить передачи, как оказалось. Он пытался другой рукой – правая на руле, другая накрест на рычаге передач, – но кончилось это растяжением, и Даррен просто вышел из машины, держа руку над плечом как мигалку, что могла осветить ему путь домой.

Мы приехали в город за пару недель до того, у нас кончился краденый бензин, датчик температуры «Бьюика» ушел в красный, но вместо того, чтобы засунуть меня в школу, как обычно, на узкий и прямой путь второгодника, Либби позволила мне прогулять январь. Я целился еще и на февраль. После я мог прямым путем направиться в лето.

Я, в общем, любил читать, но что мне было делать с аттестатом? Получить образование – все равно что продать свое наследие, свою кровь. И если бы я начал делать такие подвижки, то это все равно что пытаться никогда не превращаться, оставаться таким навсегда, и все советы Даррена ни к чему.

Позже тем вечером мы сидели за столом вместе с Либби. Для нее это был завтрак, для нас – ужин. Только вот у нас ни того ни другого не было.

– Ты что-нибудь загнал для него? – сказала Либби Даррену, тыкая вилкой в яичницу-болтушку.

Последние три яйца.

– *Что?* – скривился Даррен.

Я-то понял Либби, но ей пришлось сделать усилие – она говорила так, словно у нее болел рот. Словно во рту у нее был огромный комок жвачки.

Она повторила, жестче подчеркивая слова.

– О, – сказал Даррен, прикусив нижнюю губу и глядя прямо на нее. – Уже, сестренка?

Либби толкнула тарелку по столу к нему и не сказала ни слова.

Даррен подхватил тарелку здоровой рукой и слизнул с нее ее яйца, все время улыбаясь.

– *Что?* – сказал я, когда она потопала в свою спальню за своей сеткой для волос. Она носила ее потому, что не хотела ронять больше своих черных волос на пол в прихожей. На нее жаловались.

– Когда ты меняешься, – сказал Даррен, вытирая желток с мокрых губ перевязанной рукой, – первым меняется твой язык.

Он свесил язык набок изо рта и часто задышал, чтобы показать.

– Это потому, что в человеческом языке больше мышц... – начал было я, но он смотрел искоса, словно проверяя, взаправду ли я, и продолжил:

– Ты думаешь, мы здесь разговариваем *человеческим* языком?

– Но ведь она даже... – начал было я, предполагая сказать,

что она не обратилась же. Может, она сменила рубашку или что еще, но она вернулась в залу на своих двоих, не на четырех. Прежде чем я успел вляпаться во все это, Даррен выкатил глаза, чтобы я молчал.

Шаги Либби.

– Не скажу, что они вкусные, когда сырые, – сказала она, словно поймала нас за разговором, за очередной дискуссией о языках. Но то, как она улыбалась при этом, – я не знал, она дурачится или вот так ты должен поступать с добычей – сунуть ее в пасть, катать на языке, растягивать, пока не лопнут эти белые связочки на подбрюшье.

Я чуть приоткрыл рот.

Даррен прижал свой распухший палец к губам, и, как всегда, я скрыл свой секрет.

– И не приноси сейчас ничего больного, – сказала Либби ему напрямик. Чтобы подчеркнуть это, она бросила на стол полтора доллара, большая часть мелочью.

Мелочь была для меня, на кетчуп, который мне определенно понадобится для всего, что Даррен наловит за пару часов. Первые несколько недель в Техасе она просто крала пакеты с подносов на заправке перед кладбищем машин, но теперь она больше не могла туда сунуться, и они научились присматривать еще и за мной.

Я был уверен, что мелочь, которую она бросила на стол, была из конторы. Больше неоткуда. С подносов, из ящичков и из сточных канав людей, которые умеют завязывать галстук,

даже не глядя в зеркало. Я накрыл рукой двадцатипятицентовики, десятицентовики и центы. Они все еще были мокрыми. Она только что отмыла их в ванной. Потому что вервольфы, которые еще не вервольфы, все еще могут умереть от обычных человеческих болячек.

– Значит... – сказал Даррен, словно соображая на ходу, – значит, ты говоришь, что мне следует принести енота только со справкой о состоянии здоровья на шее? Такие все еще дают? Хорошо, что ты мне сказала, а то я собирался принести первое, что попадется в ветеринарке.

Либби уставилась на него.

Он уже десятую или пятнадцатую неделю сидел дома. Ей, обеспечивавшей половину дохода семьи, приходилось ездить в два раза дальше за те же деньги.

То, что Даррен обращался каждую ночь, чтобы забыть, что его рука заражена, помогало мало. Для нас же это означало, что весь день он валялся на диване. Он спал сном вервольфа, словно гусеница в коконе, почти в коме, разве что не совсем на пороге смерти.

Как еще мы умираем? При пожаре. Возвращаешься после ночи крови и резни, сжегши большинство добытых калорий после превращения обратно в человека, ныряешь прямо носом в подушку и не чувствуешь, как начинает идти дым от духовки, или сигареты, или от факелов соседей, все вот это. Волчье барбекю, малышка.

Это словечко стало одним из излюбленных для Даррена с

тех пор, как мы попали в Техас, – *малышка*.

Либби от этого слова задирала верхнюю губу и рычала, и Даррен никак не мог этим налюбоваться.

Он обычно просыпался где-то к «Колесу Фортуны»⁹, и хотя дядя участвовал в голосовалке, он никогда не выигрывал.

Это не способствовало сну Либби.

Могу сказать, мы не собирались сильно задерживаться в Техасе. Техас – плохое место для вервольфов. Мы побывали тут недавно, возвращаясь из Флориды, так что должны были понять. Но Техас такой большой. Это что-то да значит. Если мы хотим вернуться в Луизиану или Алабаму, в любое место, где нет льда и снега, нам придется ехать через Техас, надеясь, что ковбои не заметят.

Только машины вервольфов не предназначены, чтобы ехать так далеко в один заход. LeSabre¹⁰ на заправке был доказательством тому. Трава уже выросла вокруг него и проросла сквозь дырки в полу, словно Техас делал все, чтобы задержать нас здесь.

И не потому, что хотел, чтобы мы нашли работу и зарабатывали себе на жизнь. А потому, что он хотел сожрать нас.

И это работало.

После того как Либби уехала на маленьком четырехци-

⁹ Американская телевикторина.

¹⁰ LeSabre – [концепт-кар](#), построенный [General Motors](#) в [1951 году](#). Его отличительными чертами являлись «самолетное» панорамное [ветровое стекло](#), заходящее на боковину кузова, и ставшие характерными для многих автомобилей конца [1950-х годов](#) [хвостовые плавники](#).

линдровом «Датсуне», стенающем от боли, Даррен снова свесил язык набок, часто дыша, словно самым дурацким образом пародируя ее, но как-то и головой еще дергая.

– Может, олень, – сказал я ему, потому что Либби тут не было, чтобы постоять за себя.

– Опять мамочку Бемби, – сказал он, глядя из окна, словно бы раздумывая об этом.

Пока он притащил двух тощих оленей, но обе они были жертвами дорожных аварий. Я это видел, но не говорил ничего. Поскольку если бы я сказал, мы оба увидели бы его мечущимся между лучами фар, как пес, только бродячий, как он пытается стащить добычу с асфальта. Вместо того чтобы загнать дичь, как нам полагалось.

Однако на трех лапах не особо побегаешь. Резкого поворота не сделаешь, просто кувыркнешься через морду.

– Ты не против откормленного тельца? – спросил Даррен.

– Либби не велит, – сказал ему я.

– Либби не велит, – повторил он, снова насмешничая над ее толстым языком. Если мы украдем хотя бы *теленка* с пастбищ вокруг нас, что уж говорить о целой корове, хозяйева ранчо придут задавать вопросы, а мы же новые временные жильцы, голодные, и в подполе у нас спрятаны крупные кости.

Правда, теленок – это же блаженство.

Даррен встал, начал стягивать с себя одежду. Что поделать, если твоя сестра не может наворовать достаточно мело-

чи на новые штаны. Пинком распахнул заднюю дверь и пустил горячую струю мочи по дуге в ночь.

– Насколько тебе надо повзрослеть, чтобы перестать доставлять неприятности? – спросил я, делая вид, что смотрю новости по телику. Делая вид, что это мелочь. Просто так, разговор.

Даррен запрокинул голову и покатал по плечам, что-то там треснуло и щелкнуло неестественно громко.

Внутри он уже начал превращаться.

– Оно того стоит, – сказал он, затем захлопнул дверь, чтобы раздвинуть непроницаемые шторы и выглянуть наружу – проверить, не прячется ли кто за LeSabre. Прежде чем выйти, он обернулся ко мне и сказал: – Запрешь?

Потому что у меня не было острых зубов и острого слуха. Потому что я не мог себя защитить.

И он ушел.

Я каждый раз бросался к заднему окну, пытаюсь увидеть его наполовину человеком, наполовину волком, но заметил лишь тень, скользнувшую по ржавому тусклому серебру пропановой цистерны.

Вместо кетчупа я купил целый хот-дог возле маленького чертова колеса на углу заправки. Я показал на тот, который хотел. Старик посмотрел на меня и спросил, уверен ли я.

Он поступал так каждый вечер, словно пытался отвлечь меня от, вероятно, самого заветренного хот-дога в контей-

нере.

Я попросил другой, затем другой, и в конце концов я уже не знал, получил ли я самый старый хот-дог или только что приготовленный.

Я не должен был выходить самостоятельно, не предупредив Даррена или хотя бы не оставив записки – это уж он прочел бы, – но тут не должно было быть никаких случайных полицейских. Либби ведь была верфольфом, верно? Не наседкой.

Я сидел на дальнем конце льдогенератора, наслаждаясь хот-догом. Я взял все добавки, какие только были на заправке, кроме горчицы, и даже некоторые в двойном объеме, просто потому, что продавец ничего по этому поводу не мог сказать. Поскольку Даррена и Либби рядом не было, я не делал вид, что мне противна эта легкая человеческая еда, что мне хочется чего-то с кровью, чего-то *волчьего*.

Но этот хот-дог все же был такой вкусный.

Я пальцем подхватил остаток со штанов и сунул в рот.

Когда я поднял взгляд, на меня смотрели трое детишек моего возраста.

– Звереныш, – сказал один в красной кепке, скаля зубы.

– Не связывайся с ним, – сказала девочка десяти лет.

– А то заразу какую подцепишь, – согласился тот, что был в кепке компании «Джон Дир»¹¹.

– Мексиканец? – сказал третий, мальчишка с желтыми во-

¹¹ Крупнейшая в мире ирригационная компания.

лосами. Если бы я стоял, мы были бы одного роста с ним.

– Сопляк, – сказал парнишка в бейсболке. – Pisomojado¹², ага? – Он потянул девочку за собой, в здание заправки. Желтоволосый остался смотреть на меня.

– Pisomojado? – сказал я ему.

– Ты вообще кто? – ответил он вопросом на вопрос.

Я протянул ему мой хот-дог, не распрямляя локтя до конца. Когда он потянулся к нему, я зарычал, как Даррен, и прыгнул на него, щелкнув зубами.

Желтоволосый попятился и упал на «Ниссан», припаркованный на первом слоте, схватился за капот, оставив на нем хорошенькую вмятину, за которую ему определенно влетит.

Я остался стоять, откусил еще кусок хот-дога, бросил остальное на землю и пошел мимо телефона с оторванной трубкой в ночь.

Идя мимо забора нашего маленького съемного дома, я постоянно оглядывался. Словно что-то слышал. Словно прислушивался. Словно у меня уже был такой острый слух. Штука в том, что если кто-то и правда крадется за тобой, это заставляет его думать, что ты уже знаешь, что за тобой следят, но если ты один, то вертеть головой на каждом шагу, вглядываясь в темноту, не для кого.

За исключением Даррена.

– Ну как, струхнул, трусишка? – слышался его голос прямо рядом, справа от меня. Он был совершенно голым. Я

¹² Мокрый пол (*исп.*). Намек на уборщика.

не был уверен, ведут ли себя так все вервольфы или только Даррен.

Я даже не обернулся, продолжая путь.

– Я чую хрен? – сморщил он нос, принюхиваясь.

Я посмотрел вниз, глядя на какое-то движение у его бедра. Это был большой филин, фута в три длиной, с размахом крыльев раза в два больше. Настоящий птичий прадед, навроде динозавра. Он медленно трепыхался. Вроде Даррен отгрыз ему лапы и держал его за кровавые обрубки.

Поскольку мне надо было учиться, Даррен позволил мне свернуть ему шею, когда мы вернулись домой. Получилось с третьей попытки. У сов шея не как у остальных птиц. Там больше мышц, они созданы, чтобы крутить головой сильнее прочих. И они не моргают все время, пока ты их убиваешь. И череп такой большой птицы, как эта, размером с твою ладонь, ты словно держишь ребенка, зажав его коленями.

Мы сели у пропановой цистерны, чтобы ощипать его. Перья летали вокруг нас, застревали в волосах, в мертвой траве. Впечатление было такое, что тут целая стая птиц взорвалась. Словно убили в турбине самолета. Воздушный фарш.

– Совы на вкус ничего? – спросил я.

– Я думал, ты голоден как волк, – ответил Даррен, бросая в меня комок перьев.

Поскольку духовка не работала, мы нарезали грудку длинными полосками для жарки. Поскольку Даррен пытался вести себя вежливо, то вместо того, чтобы всосать их сырыми,

как он и сделал бы, не будь меня рядом, он обвалял их в сухарях и бросил в сковородку на масло. Сказал, что сможем так запасти некоторое количество. Может, сделать совиные джерки из остатков. Наверное, это были единственные совиные джерки в Техасе. Мы могли бы открыть лавочку и в одночасье разбогатеть.

Я увидел, что его палец снова кровит. И что он не держит вилку в этой руке.

– Она не заживет, да? – сказал я.

Он не ответил.

Либби говорила ему, что он знает, чем лечить порез от серебра, но он ответил, что ему нужны *обе* руки, чтобы вести машину, спасибочки.

Сова была на вкус как тысячадохлыхмышей.

Через тридцать минут после того, как мы ее съели, нас обоих начало тошнить так, что мы едва успели добраться до задней двери.

– Яд, – выдавил Даррен.

Этот филин попал под опрыскивание на каком-то поле. Или сожрал несколько домовых крыс с мозгами, позеленевшими от отравы. Или он увидел Даррена и проглотил таблетку для самоубийства, как секретный агент.

– Я скажу... скажу Либби, – выкашлял я, и Даррен ожегменя взглядом, сказал, что я, оказывается, бандит, затем улыбнулся и оттолкнул меня. Мне пришлось пролететь дальше, чем он меня толкнул, чтобы не упасть в собственную

блевотину. Он так расхохотался, что его снова вывернуло, и от вида этого меня тоже вывернуло еще раз. Когда смог, я выбрал облеваный камень и слабо пнул в его сторону. Даррен сделал вид, что он кегля, и повалился навзничь в траву с раскрытыми глазами, как персонаж из мультика, затем встал, вытирая рот непременной рукой, другой потянулся ко мне, чтобы начать все снова, и, я понимаю, что это тупо, но, если бы я помер от этого яда, ни разу не обратившись, весь в совиных перьях, это было бы очень даже хорошо.

Раз перед ланчем я сидел перед теликом, в животе моем было пусто, как всегда. Так всегда бывает в тринадцать лет, сказала мне Либби. Это не значит, что я превращаюсь, это значит, что я нормальный.

Но она не знала всего.

Даррен лежал на другом диване, мертвый для мира, рот его был открыт, тощая нога лежала на грубой подушке. Большой злой вервольф в натуральном состоянии.

Я мог бы нарисовать ему брови или усы, и, поскольку лампочка в ванной перегорела, он пару дней мог бы этого не замечать, если бы Либби не раскололась. В память моей верной догадки на «Колесе» – «Где мясной пудинг» – я выпустил дугу мочи из задней двери, предупреждая остальных собак держаться подальше. Пусть знают, что не надо им сюда.

Когда мы въехали, под полом кухни жила рысь, в насосной – еноты, в кустах повизгивали койоты.

Как только они почуяли, кто приехал, все нашли себе логовища получше. Даже мыши и крысы поняли, что надо держаться подальше и забыть о лошадях. Псы будут щетинить шерсть на загривке, лаять, предупреждая хозяев, но лошади просто смотрят своими большими глазами. Следят за каждым твоим шагом. И если им не найдется тихого места, чтобы скрыться, они нападают, бьют передними копытами.

Мы у них в крови, догадался я. Или *были* у них в крови.

Давай, лошадка. Беги.

Я поймаю тебя потом.

Чтобы не дать Либби вцепиться в глотку Даррену, я натянул штаны и пошел проверить, не осталось ли перьев на дворе. Оставшийся от филина клюв был чистым, черным и блестящим. Я надел его на пальцы, изобразив осьминога и щелкая клювом в воздухе.

Будто я видел осьминога кроме как в передачах о природе.

Как вервольфы не лазят по деревьям, хотя у нас есть зубы и когти, так мы не заходим в океан. Даррен попытался однажды, когда мы впервые оказались во Флориде, еще не выйдя из волчьего обличья, но проиграл, ему пришлось выбираться, колотя лапами по воде от перевозбуждения. Он зашел лишь по колено. Среди вервольфов даже такая глубина считается крутой.

Оставь воду рыбам, деревья – кошкам.

В ожидании «Своей игры» я обшарил кухню в поисках сэндвича, в конце концов мне пришлось обойтись пластико-

вой ложкой арахисового масла из магазина, посыпая его сахаром после каждого лизка, и с каждым разом его оставалось все меньше и меньше.

Даррен просто спал и засыпал все глубже.

Я лизал мое арахисовое масло и смотрел на него. Его указательный палец блестел. Не из-за натянутой на ране кожи, скорее из-за мази с антибиотиком, который он в конце концов намазывал толстым слоем, поскольку волчья слюна не справлялась.

«Своя игра» была повтором. Я знал все ответы и повторял их в голове ради подтверждения.

Через час я был в ванной с зажигалкой, вытягивал язык, глядя в зеркало шкафчика.

Он был чернее обычного или мне казалось? Чуть более плоский? С темной полоской посередине? Мне было труднее говорить?

К трем Даррен все еще не проснулся.

Я включил второе «Колесо Фортуны» громче, так что каждый поворот большого колеса заполнял комнату, как грохот вагончика американской горки перед остановкой.

Ничего. Никакой реакции.

Даже из задней спальни. А Либби специально держала рядом с кроватью швабру, чтобы колотить в стену.

Я беззвучно подошел к переднему окну.

Никакого «Датсуна» 14 носом к востоку. И «Датсуна» 41 носом к закату.

Я заглянул из коридора в спальню Либби, раздувая ноздри, словно учился принюхиваться.

Ее не будет там, я знал.

Как я весь день угадывал ответы в телешоу, так угадал и сейчас. От этого сердце у меня в груди забилося еще сильнее, и еще сильнее пересохло во рту.

Все ее способы умереть замелькали у меня в голове, пока я не убедил себя, что с нее сняли шкуру за награду, поймали в цирк, украли на опыты, и волос, оставшийся после ее последнего отчаянного боя, пылится на полу в прихожей ее конторы.

Я двадцать раз прошел от кухни до передней двери, пятьдесят раз проговаривая то, что я собирался сказать Даррену, чтобы не показаться испуганным ребенком. Наконец я сел на выбеленную солнцем кабельную катушку, которую называли кофейным столиком, и встряхнул его за плечо.

Ритм его дыхания не изменился, он не перевернулся на бок.

Я встряхнул его посильнее, вытащил диванную подушку из-под его уха, даже зачерпнул пару горстей воды из раковины, полил его, затем плеснул в лицо.

Он не смахнул ее.

Может, это из-за того, что он съел мяса больше, чем я? Больше яда?

Я затряс головой – нет, нет, нет, такого не может быть. В любое другое время впадай в спячку, спи мертвецким сном,

смотри сны о своей Красной жокейской шапочке. Но не сейчас.

Я закричал ему в ухо, в лицо, моя слюна забрызгала ему щеку, и, наконец, толкнул диван достаточно сильно, чтобы тот перевернулся, и он скатился к стене.

Ничего. Только рваный всхрип.

Я сильно стукнул по стенке у него над головой, затем взял две сковородки из раковины и стал стучать ими друг о друга, затем открыл дверь, чтобы побежать к «Датсуну» и посигнализировать, только вот «Датсуна» не было.

Либби уехала. На самом деле уехала.

Я сел на кабельную катушку, спрятав лицо в ладонях.

Я, наверное, заплакал бы, не будь я вервольфом.

У меня оставался единственный выбор.

Я снова встал, перешагнул через перевернутый диван, встал прямо над Дарреном коленями на пол, по обе стороны от его тощей груди.

– Не убивай меня, – сказал я ему и поднял вверх его большой палец, сунул его в рот и укусил сильно, как мог.

Гной заполнил мой рот, теплый, пахучий и медицинский, и, возможно, заразный, не будь я уже их крови, и следующее, что я помню, – я лежу на спине и надо мной Даррен с пастью, полной новых зубов, в горле его вибрирует рык, и я чувствую себя всеми кроликами в мире.

– Нет-нет-нет! – проорал я, пытаюсь скрестить руки перед лицом и выползти из-под него. И лишь потому, что он мне

позволил.

Он стоял, глубоко дыша, и я видел, что нос его сразу учуял все запахи сразу. Арахисовое масло. Горящие в бочках совиные перья. Контакты в телевизоре, нагретые от всех бесполезных гласных, которые люди покупали в этот день.

– Ее тут нет, – сказал я писклявым, как у ребенка, голосом.

Даррен повертел головой, прислушиваясь, затем пошел к переднему окну, как я, раздвинул шторы ровно в тот момент, как их осветили настоящие фары.

– Это она? – спросил я, подходя к двери и готовый выскочить ей навстречу, но Даррен удержал меня.

– Заместитель шерифа, – сказал он и окинул жилую комнату взглядом в поисках чего-либо незаконного, и впервые я увидел серый налет в его стрижке под машинку. Это было из-за долгих превращений каждую ночь. Он тратил свои человеческие годы.

Он привык, он был последним коротышкой из помета, последним из выношенных. Младшим братиком. Может, он таким и оставался. Только сейчас он был, наверное, на четыре года старше Либби. Чисто выбритый, как в день рождения.

– Она звонила? – спросил он. Шторы за его спиной по-прежнему полыхали желтым, затем синим и красным, синим и красным.

– У нас нет телефона, Даррен.

Даррен посмотрел на стойку, где, наверное, в семье по-

лучше стоял бы телефон, и зашипел сквозь зубы. Ничего не работало. Это я мог бы ему сказать.

А теперь пришли копы.

– Она больше тут не живет, – сказал он, сверля меня взглядом насквозь.

Я кивнул.

Через пару секунд в дверь громко постучали полицейской дубинкой, чуть сбоку, потому что там стоял помощник шерифа, держась в стороне от линии огня, хотя у нас оружия не было.

Что натворила Либби?

Даррен потер глаза до красноты, оперся рукой на косяк над дверью и приоткрыл ее, зажмурившись от фонарика помощника шерифа, приподнял губу, увидев служебную собаку на поводке у полицейского. Пес панически лаял, пытаясь высказать служителям закона о нас все.

– Неси того цыпленка, – сказал он мне. Дыхание его выходило паром на холоде.

Я стоял, пытаюсь все это переварить, а потом пошел к холодильнику посмотреть, не прислал ли Санта корзинку всякой всячины.

– Проблемы? – сказал Даррен помощнику шерифа, все еще загораживая дверь своим тощим, обнаженным до пояса телом.

Бормотание. Горячий свет на теле Даррена.

– Ах, да, она, – сказал Даррен, массируя гладкий подборо-

док, будто вспоминая. – Что она натворила на сей раз, офицер?

Я хрустнул каждым суставом каждого указательного пальца.

Так поступил бы Малыш Билли.

Я не расслышал, что говорил помощник шерифа о Либби, но уловил смысл по тому, как отвел глаза Даррен, словно пытаюсь понять.

– Блин, она уехала... сколько там уже? – сказал он мне.

В этот момент помощник шерифа попятился вниз по ступенькам, осветив фонариком меня.

Я держал пластиковую миску свиного мяса в панировке, которую забыл сжечь.

– Недели три? – сказал я.

– Может, даже месяц, – сказал Даррен. – Вы же знаете, что она водит, верно? Маленький *гоночный* грузовик «Датсун». – Ему пришлось рассмеяться при этих словах. – Или, возможно, пейскар¹³ со спальным местом, не знаю. Она всегда гоняла на «Эль Камино», «Эль Ранчero»¹⁴. Однажды даже был у нее полноприводный для выезда на природу, но вы заходите, если хотите. Нам скрывать нечего.

¹³ Направляющая машина, которая не принимает участия в гонке.

¹⁴ Ford Ranchero – модель американской компании Ford Motor Company. Выпускался с 1957 по 1979 год. В отличие от традиционного пикапа, Ranchero создавался на базе адаптированной платформы двухдверного универсала Ford Ranch Wagon и представлял собой двухдверный автомобиль с платформой небольшой грузоподъемности в задней части.

Снаружи замялись. Даррен двумя пальцами за спиной подцепил меня. Я подошел к нему. Ноги мои онемели. Лицо онемело, сердце колотилось.

Он взял у меня миску, взял холодную сырую полоску, сунул в рот и стал долго жевать.

– Хотите? – предложил он откусанный кусок помощнику шерифа.

Тот не ответил. Теперь он внимательно рассматривал меня.

– Готов поклясться, *он* голоден, – сказал Даррен и точно, как всегда, метнул кусочек мяса мимо шерифа прямо в морду собаке. Та поймала его скорее рефлексивно, чем от голода, но раз уж поймала, то проглотила его.

– Нравится, – сказал Даррен, жуя и подцепляя другой кусок из миски.

– Сэр, – сказал помощник шерифа, отводя локоть назад и кладя руку на пистолет, и Даррен, будучи законопослушным гражданином, поднял руки, уронив миску. Чуть отскочив от его колена – просто несчастная случайность, офицер, – миска покатилась к нижней ступеньке, и остатки мяса полетели на брюки шерифа. Он отскочил в сторону, как его учили, выхватив пистолет.

У него за спиной, где он не видел, пировал пес и рычал, не отводя взгляда от Даррена.

– Чем вы его кормите? – спросил Даррен, наклонившись, чтобы выплюнуть свой ядовитый кусок, по-прежнему держа

руки вверх. – Пончиками?

LeSabre давно уже не был допущен к эксплуатации на дорогах и по-прежнему носил чужие номера – передний был от «Ауди» с технической остановки, задний от сельхозгрузовика, остановившегося на перекус, – и от изначальной водяной помпы, вероятно, уже ничего не осталось, но все же машина довезла нас до Декатура, штат Техас.

Поскольку помощнику шерифа не в чем было обвинить Даррена, то, обыскав дом, пропахший постельным бельем Либби, что сказало бы ему, когда она была тут последний раз, ушел, велев нам позвонить, если она покажется.

– Телефон прямо на стойке, – сказал Даррен, заставив помощника шерифа оглянуться и удостовериться, что он действительно не увидел того, чего не увидел.

Его пес наверняка уже сдох к тому моменту или желал сдохнуть. Он свернулся, пытаясь выгрызть собственные кишки, которые спазмом сводила боль.

Мы заехали в одноэтажный мотель, чтобы слить бензин из уродливого «универсала». Даррен вел себя беспечно насколько мог, разглядывая чистый кончик своей зубочистки, словно набирал воду из общественной колонки.

– Значит, она потеряла контроль? – спросил я. – Либби?

– Скорее нашла, – ответил Даррен, пристально глядя на офис менеджера, – только он на четыре или пять дюймов в глубине чьей-то глотки. Судя по серьезности этого копа, думаю, что это один из его младших братьев.

– Его младших?..

– Охранник, – сказал Даррен, вытаскивая шланг из машины и держа вверх, чтобы всосать последние капли. – Это хорошие новости, – добавил он.

– Как это?

– Если они все еще разыскивают ее, это значит, что они ее еще не поймали, верно?

Мы выехали с парковки мотеля, нашли высокое место, чтобы Даррен заглушил двигатель.

Он встал с кресла, стоя одной ногой на рокер-панели, вертя головой. Прислушиваясь к городу.

Я тоже сделал так.

– Там, – сказал он, кивая в сторону охотничьего загона, выглядевшего как заброшенные здания, – собаки.

Если ты вервольф, ты говоришь слово «собаки» так, словно выплевываешь твердую макаронину.

Я посмотрел на Даррена, желая задать вопрос, но мы уже ехали.

Он так и не надел рубашку. Вервольфы не носят рубашек, даже в январе в северном Техасе.

– Они все ждут, что она снова займется своим делом, – сказал Даррен, медленно проезжая по узким улицам. – Но она бежит напрямик отсюда, верно? На всех четырех, я ее знаю.

Я смотрел вперед и вбок и в зеркало заднего обзора.

– Что с ней не так? – сказал я, затем мне пришлось при-

щуриться из-за света, заполнившего мое зеркало.

Служба отлова бездомных животных с низким плоским прожектором, крутившимся над кабиной. Ни звука. Просто едет.

Даррен дал фургону проехать, затем пристроился за ним.

– Тридцать минут или меньше, верно? – сказал он, отключив фары LeSabre.

Я не сразу понял – этот собаколов подставлялся. Суматохе, которую устраивает Либби, но на самом деле самой Либби.

Она, должно быть, голодна.

Последние два квартала мы прошли пешком.

– Ты собираешься... ты знаешь? – спросил я. Я был готов подхватить его брюки, если он обратится. Это были его единственные брюки.

– Это город, – сказал он в ответ.

– Для нее тоже, – ответил я.

Первая собака, которую мы нашли, издыхала. Ее кишки тянулись за ней фута на три.

– Оно стоило того? – сказал Даррен собаке и покачал головой.

Я оглянулся на собаку. Ее язык вывалился на цемент. Муравьи уже сустились в ее пасти. Я думал, они вылезают только днем, но, наверное, это были ночные муравьи. Может, просто никто их не видит.

Второй пес был сенбернаром.

Голова его валялась в канаве, туловище на чьем-то пороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.